

FANTASTIKA

LEVIATHAN WAKES

JAMES S. A. COREY

St. Petersburg
Fantastika Book Club Publishers
2012

ПРОБУЖДЕНИЕ ЛЕВИАФАНА

ДЖЕЙМС КОРИ

Санкт-Петербург
«Издательство Фантастика Книжный Клуб»
2012

УДК 82/89
ББК 84.7США
К66

Copyright © 2011 by Daniel Abraham and Ty Franck

All rights reserved. Except as permitted under the U.S. Copyright Act of 1976, no part of this publication may be reproduced, distributed, or transmitted in any form or by any means, or stored in a database or retrieval system, without the prior written permission of the publisher.

Перевод с английского Галины Соловьевой
Художественное оформление Александра Золотухина

ISBN 978-5-91878-057-2

© «Издательство Фантастика
Книжный Клуб», 2012

Благодарность

Эту книгу, как иного ребенка, мастерила целая деревня. Я хотел бы выразить глубокую благодарность своим агентам, Шауне и Дэнни, и редакторам, Донг Вону и Даррену. Также полезны на ранних стадиях работы над книгой были Мелинда, Терри, Эмили, Ян, Джордж, Стив, Уолтер и Виктор из писательской группы «Критическая масса» в Нью-Мехико и Кэрри, читавшая первые наброски. Дополнительная благодарность Яну, помогавшему разобраться с математикой и не ответственному ни за какие ошибки в моем понимании таковой. За мной огромный долг Тому, Сэйк-Майку, Не-Сэйк-Майку, Портеру, Скотту, Радже, Джефу, Марку, Дэну и Джо. Спасибо, ребята, за бета-ридинг. И наконец, особая благодарность авторам «Футурамы» и «Бендер Бендинг Родригез», нянчившим ребенка, пока я писал.

*Посвящается Джейн и Кэт, научившим меня
мечтать о космических кораблях*

Пролог Джули

«Скопули» захватили восемь дней назад, и Джули Мао наконец приготовилась умереть.

Чтобы дойти до точки, ей понадобились все восемь дней заключения в шкафу-кладовой. Первые два она провела без движения, в уверенности, что вооруженные люди, кинувшие ее сюда, не шутили. Несколько часов сразу после abordаж корабль, на который ее перевели, не включал тяги, так что она плавала в шкафу, тихонько отталкиваясь от стен и скафандров, разделявших с ней тесное пространство. Когда корабль пришел в движение, тяга придавала вес ее телу. После этого она тихо стояла, пока судорога не свела ноги, потом села, свернувшись в позу эмбриона. Она мочилась в тренировочные штаны, не беспокоясь ни о теплой щиплющей влаге, ни о запахе и думая только, как бы не поскользнуться на мокром пятне, оставшемся на полу. Шуметь было нельзя. Застрелят.

На третий день жажда вынудила ее действовать. Кругом шумел корабль. Низко, на краю слышимости, гудели реактор и двигатель. Непрестанно слышалось шипение гидравлики и стук стальных запоров, когда открывались и закрывались герметичные переборки между палубами. Топали по металлической обшивке тяжелые башмаки. Она выждала, пока остались только отдаленные звуки, сняла с крюка скафандр и уложила его на пол. Настороженно вслушиваясь, медленно разобрала скафандр и извлекла контейнер с водой. Вода успела застояться: видно, костюм целую вечность не использовался и не проходил профилактики. Но она за два дня не выпила ни глотка, и теплая маслянистая вода из резервуара скафандра была для нее словно лучший в мире напиток. Ей пришлось изо всех сил удерживать себя, чтобы не выглотать все разом, не напиться до рвоты.

Когда ей снова захотелось помочиться, она вынула из скафандра мешок с катетером и облегчилась в него. Потом села уже не на пол, а на мягкий скафандр и устроилась так удобно, что получи-

лось задуматься, в чьи руки она угодила: флот ли это Коалиции, пираты или кто похуже. Временами она засыпала.

На четвертый день одиночество, голод, скука и наполнившиеся почти до краев контейнеры мочеприемников наконец толкнули ее на попытку контакта. Она слышала приглушенные крики боли. Где-то рядом избивали или пытали ее товарищей по команде. Если привлечь внимание похитителей, возможно, они просто бросят ее к остальным. Это будет хорошо. Побой она перетерпит. Это несущественная цена за возможность снова увидеть человеческие лица.

Шкаф располагался рядом с внутренней дверью шлюза. Во время полета сюда редко заглядывали – впрочем, она не знала, какой распорядок принят на этом корабле. Она обдумывала, что им сказать, как напомнить о себе. Разобрав наконец приближающиеся шаги, она решила было завопить, чтобы ее выпустили. И с удивлением услышала сухой хрип в горле. Она сглотнула, попробовала выжать языком немного слюны и сделала новую попытку. В горле опять слабо заклокотало.

Люди находились прямо за дверью. Тихо звучал чей-то голос. Джули размахнулась, чтобы ударить в дверь кулаком, и в этот момент разобрала слова.

– Нет. Пожалуйста, нет. Пожалуйста, не надо.

Дэйв. Ее корабельный механик. Дэйв, который собирал вырезки из старых комиксов и знал миллион шуточек, молил тихим прерывистым голосом.

«Нет, пожалуйста, не надо», – говорил он.

Заскрипели гидравлические запоры воздушного шлюза. Удар по металлу – что-то зашвырнули внутрь. Шипение отсасываемого воздуха.

Когда закончился цикл шлюзования, люди ушли от ее двери. Она не стала стучать.

Они дочиста выскребли корабль. Захват флотом внутренних планет считался нежелательным вариантом, но к нему они были готовы. Данные, касающиеся АВП, скрыли под видом записей обычного судового журнала с ненастоящими метками времени. Информацию, слишком секретную, чтобы доверить компьютеру, капитан уничтожил. Когда нападающие проникнут на борт, они смогут изображать невинность.

Всего этого не понадобилось.

Их не спрашивали о грузе и приписке. Захватчики вели себя по-хозяйски, капитана Даррена отшвырнули пинком, как собаку. Остальные – Майк, Дэйв, Ван Ли – сразу подняли руки и вели себя смиренно. Пираты, работоторговцы или кто они там выволокли их с родного грузовичка и втокнули в стыковочную трубу, не дав даже надеть скафандров. Только тонкий слой майлара¹ отделял их от жестокой пустоты – и надежда, что майлар не прорвется, не то прощайте легкие.

Джули тоже не сопротивлялась, пока эти ублюдки не стали ее лапать и сдирать одежду.

Она пять лет занималась джиу-джитсу при низкой гравитации, а сейчас они находились в ограниченном пространстве и в невесомости. Она натворила дел. Даже было начала думать, что победа за ней, но возникший невесть откуда кулак в тяжелой перчатке ударил ее в лицо. После этого все стало расплываться. Потом был шкаф и «пристрелите ее, если станет шуметь». Четыре дня она не шумела, пока внизу избивали ее друзей, а потом выбросили одного из них из шлюза.

Через шесть дней все затихло.

Обрывки яви сменялись обрывками бреда, и она лишь смутно отмечала, как понемногу пропадают звуки шагов, голоса, низкий гул реактора и двигателя. Вместе с тягой исчезла и сила тяжести, и тогда Джули, вывалившись из сна, в котором вела свою старую гоночную шлюпку, обнаружила, что плавает над полом, и ее мышцы, сперва возмущенно вопившие, понемногу расслабляются.

Она толчком направила себя к двери и прижалась ухом к холодному металлу. Паника обуяла ее, пока она не расслышала тихое гудение воздушного фильтра. В корабле еще была энергия и воздух, но двигатели не работали, не открывались двери, никто не шагал по палубам и не разговаривал. Может, команду собрали на совещание. Или они устроили вечеринку на другой палубе. Или все были в машинном зале, занимаясь серьезной поломкой.

Целый день она прислушивалась и ждала.

На седьмой день кончилась вода. В пределах слышимости за двадцать четыре часа она не уловила ни звука. Она сосала пластиковую трубку, выломанную из скафандра, пока не выжала чуточку слюны: тогда она закричала. Она докричалась до хрипоты.

Никто не пришел.

На восьмой день она была готова умереть. Больше суток она обходилась без воды, последний мочеприемник наполнился че-

¹ Полиэфирный пластик, более прочный, чем полиэтилен. Лавсан.

тыре дня назад. Она уперлась плечами в заднюю стенку шкафа, а ладонями – в боковые. И что было силы лягнула обеими ногами. От судороги, последовавшей за первым ударом, она потеряла сознание. Внутри у нее все вопило.

«Глупая девчонка, – сказала она себе. – Это обезвоживание. И восемь дней без движения хватило, чтобы началась атрофия мышц. Надо было хоть разминаться».

Она размассировала сведенные мускулы, потянулась, сосредоточившись, как бывало в спортивном дожо¹. Когда тело стало слушаться, снова ударила ногами. И еще. И еще, пока по краям двери не стал просачиваться свет. И еще раз – теперь дверь прогнулась и висела на трех петлях и клапане.

И еще один, последний, удар, от которого клапан выбило из паза, и дверь распахнулась.

Джули выбросило из шкафа. Она заранее вскинула руки над головой и приготовилась принять угрожающий или испуганный вид – смотря по ситуации.

На всем уровне не было ни души: дверь шлюза, шкаф, в котором она провела восемь дней, еще полдюжины кладовых. Всюду пусто. Она нашла в инструментальном наборе скафандра магнитный ключ, подходящий для разбивания черепов, и двинулась к трапу, ведущему на нижнюю палубу.

Потом на уровень ниже, еще ниже. Каюты команды в строгом, почти военном порядке. Хозсклады – здесь были признаки борьбы. Медотсек – пустой. Торпедный отсек – никого. В кабине связи не оказалось дежурного, энергия отключена, дверь заперта. Палуба за палубой, помещение за помещением без признаков жизни. Что-то случилось. Утечка радиации. Ядовитый газ. Что-то, вынудившее их к эвакуации. Она задумалась, сумеет ли в одиночку pilotировать корабль.

Но если они эвакуировались, она должна была слышать их у шлюза?

Она добралась до последнего палубного люка, ведущего в машинный зал, и остановилась, потому что этот люк не открылся автоматически. Красный огонек на панели замка показывал, что вход запечатали с той стороны. Она снова задумалась о радиации или крупной аварии. Однако если дело в этом, зачем запирались изнутри? И сколько она прошла встроенных счетчиков на стенах? Ни один не предупреждал об опасности. Нет, это была не радиация, а что-то другое.

И здесь не наблюдалось порядка. Она увидела кровь. Разбросанные контейнеры и инструменты. Что бы ни случилось, это слу-

¹ Зал для занятий джиу-джитсу.

чилось здесь. И кончилось за запертой дверью. У нее ушло два часа, чтобы с помощью сварочной горелки и инструментов из механической мастерской вскрыть люк в машинный зал. Гидравлика отказала, пришлось отжимать его руками. Из отверстия ударил теплый влажный воздух, он пах госпиталем без антисептиков. Меднистый, тошнотворный запах. Стало быть, камера пыток. Она найдет внутри друзей, избитых или разрезанных на куски. Джули взяла ключ на изготовку и решила, что, прежде чем ее пристрелят, успеет разбить хотя бы одну голову. И поплыла внутрь.

Машинный зал был огромным, с соборными сводами. В центре его возвышался ядерный реактор. Что-то с ним было не так. Она ожидала увидеть приборные табло, обшивку, мониторы, а вместо них реактор покрывало нечто вроде жидкой грязи, вытекавшей из сердечника. Джули медленно, придерживаясь одной рукой за трап, подплыла ближе. Незнакомый запах забивал все.

Грязь, запекшаяся на реакторе, обладала структурой, какой она никогда не видела. Ее, подобно венам или трахеям, пронизывали трубки. Некоторые из них пульсировали. Значит, не грязь.

Живая плоть.

Маленький выступ качнулся к ней. В сравнении с целым он казался не больше пальца, мизинца. Это была голова капитана Даррена.

– Помоги, – сказал он.

Глава 1

Холден

Сто пятьдесят лет назад, когда мелкие разногласия между Землей и Марсом привели их на грань войны, Пояс Астероидов был дальним фронтиром с гигантским запасом минеральных богатств, недоступных для экономически выгодной разработки, а о внешних планетах и мечтать не приходилось. Тогда Соломон Эпштейн смастерил слегка модифицированный ядерный двигатель, пристроил его к корме своей яхты с командой из трех человек и запустил. В хорошую оптику и сейчас можно увидеть корабль, уходящий на субсветовой скорости в великую пустоту. Самые лучшие, самые долгие похороны в истории человечества. К счастью, схему он оставил в домашнем компьютере. Двигатель Эпштейна не подарил людям звезды, но открыл доступ к планетам. А кроме того – к Поясу.

«Кентербери» – длиной в три четверти километра, шириной в четверть, слегка напоминающий очертаниями пожарный гидрант и почти пустой внутри – перестроили из колониетского транспорта. Некогда он был битком набит людьми, провиантом, схемами, механизмами, жилыми пузырями и надеждами. Теперь на лунах Сатурна обитало около двадцати миллионов человек. «Кентербери» доставил туда почти миллион их предков. И сорок пять миллионов на луны Юпитера. Одна из лун Урана хвастала пятью тысячами населения и была самым дальним форпостом человеческой цивилизации – во всяком случае, до тех пор, пока мормоны не закончат строительство корабля, рассчитанного на несколько поколений, и не отправятся на нем к звездам и к свободе от ограничений рождаемости. И еще был Пояс Астероидов.

Если спросить вербовщика АВП, когда тот подвыпил и настроен экспансионистски, он скажет, что в Поясе сто миллионов населения. Спросите переписчика с внутренних планет – и получите около пятидесяти миллионов. Как ни смотри, население было велико и потребляло много воды.

Так что теперь «Кентербери» и другие транспорты принадлежали компании «Чисто-Прозрачно» и курсировали от колец Сатурна к Поясу и обратно, таская лед. И будут таскать, пока не развалятся на куски.

Джим Холден находил это поэтичным.

– Холден?

Он повернулся к ангарной палубе. Над ним возвышалась старший механик Наоми Нагата. Без малого два метра роста, копна курчавых волос собрана на затылке в черный хвост, на лице что-то среднее между усмешкой и злостью. Она, как все астеры, имела привычку не пожимать плечами, а поводить кистями рук.

– Холден, ты слушаешь или в окно засмотрелся?

– Есть проблема, – отозвался Холден. – И, поскольку ты очень-очень хороший механик, ты с ней справишься, несмотря на недостаток денег и материалов.

Наоми рассмеялась.

– Значит, не слушал.

– Вообще-то нет.

– Ну, суть ты все равно ухватил. Атмосферный двигатель «Рыцаря» не годится для посадки, пока я не заменю клапаны. Ну как – проблема?

– Спрошу старика, – сказал Холден. – Хотя когда мы последний раз использовали шлюпку в атмосфере?

– Ни разу, но по правилам нам положено иметь атмосферный челнок.

– Эй, босс! – заорал через весь отсек механик-землянин Амос Бартон и помахал в их сторону мясистой лапой. Он обращался к Наоми. Пусть капитан корабля – Макдауэлл, пусть его старший помощник – Холден, но боссом для Амоса была Наоми и только Наоми.

– Что там? – заорала в ответ Наоми.

– Поврежден кабель. Не поддержишь этого гада, пока я достану запасной?

Наоми оглянулась на Холдена, спрашивая глазами: «Мы закончили?» С ехидной четкостью отдала честь и отошла от него – высокая и тонкая под промасленным комбинезоном.

Семь лет в земном флоте, пять лет работы в космосе со штатскими, а он так и не привык к невероятно длинным и тонким костякам астеров. Детство, проведенное в поле тяготения, раз и навсегда сформировало его взгляд на вещи.

У центрального лифта Холден на мгновение задержал палец над кнопкой навигационной палубы – хотелось увидеть Аду Тукунбо, ее улыбку, губы, волосы, надушенные ванилью и пачулями, – но нажал все же кнопку госпиталя. Прежде дело, потом удовольствия.

Медтехник Шед Гарвей согнулся над лабораторным столом, обрабатывая культю левой руки Кэмерона Пая. Месяц назад Паю прищемило локоть тридцатитонной ледяной глыбой, двигавшейся на скорости пять миллиметров в секунду. Обычная травма у народа, занимающегося рискованной работой по нарезке и транспортировке айсбергов в невесомости, и Пай принял ее с профессиональным фатализмом. Холден склонился над плечом Шеда, глядя, как техник выковыривает медицинских жучков из омертвевшей ткани.

– Как дела? – спросил он.

– Вроде неплохо, сэр, – ответил Пай. – Сохранилось несколько нервов. Шед как раз рассказывал, как хорошо приживется протез.

– Если удастся контролировать некроз, – вмешался медик, – и мы не дадим ране затянуться до возвращения на Цереру. Я смотрел страховку – Пай прослужил достаточно долго, чтобы хватило на протез с обратной связью, тактильными и температурными сенсорами и программой мелкой моторики. На внутренних планетах изобрели биогель для регенерации конечностей, но наши медицинские страховки его не оплачивают.

– Ну и на хрен внутреняков с их волшебными мазюками. Предпочитаю честный астерский протез всему, что эти ублюдки разводят в своих лабораториях. Может, стоит им намазаться, и станешь таким же засранцем, – сказал Пай и тут же добавил: – Ох, я не в обиду вам, старпом.

– Я и не обижаюсь. Рад, что тебя починят, – ответил Холден.

– Расскажи ему, Шед, – попросил Пай с озорной ухмылкой. У Шеда запыхлала уши.

– Ну, я слышал от других ребят с протезами, что, пока они приживаются, их трогать – все равно, что трогать чужой член.

Холден на секунду оставил это сообщение висеть в воздухе. Уши у Шеда стали совсем багровыми.

– Рад слышать, – наконец сказал Холден. – А некроз?

– В ране есть инфекция, – объяснил Шед. – Жучки ее контролируют, и вообще-то воспаление в данном случае только на пользу, лишь бы не дать ему распространиться.

– Он будет готов к следующему рейсу? – спросил Холден.

Пай впервые помрачнел.

– Да уж ясно, буду! Я всегда готов, сэр. Это ж моя работа!

– Возможно, – поправил Шед. – Зависит от того, как примется протез. Если не к ближайшему рейсу, так к следующему.

– Ни хрена, – перебил Пай. – Я и с одной рукой буду лучше рубить лед, чем половина сопляков, что у нас на борту.

– Опять же рад слышать. – Холден спрятал улыбку. – Держись.

Пай возмущенно фыркнул. Шед выковырнул еще одного жулика. Холден вернулся к лифту и теперь уже не колебался.

Навигационная рубка «Кентербери» не производила особого впечатления. Экраны во всю стену, какие мерещились Холдену, прежде чем он поступил на флот, действительно существовали на больших кораблях, но их ставили скорее из эстетических соображений, чем по необходимости. Ада сидела перед парой экранов чуть больше монитора ручного терминала, в углах мелькали показания работы реактора и двигателей, данные системы бежали по правому краю. Уши Ады скрывали толстые наушники, и из них почти неслышно гудели басы. Если «Кентербери» зафиксирует отклонение от нормы, она получит предупреждение. И об ошибке системы тоже. И о том, что капитан Макдауэлл покинул командный пост. Тогда она успеет отключить музыку и к его приходу примет деловитый вид. Среди тысячи черточек, привлекавших Холдена в Аде, было и умение наслаждаться жизнью. Он подошел сзади, аккуратно освободил одно ее ухо из-под наушников и сказал:

– Эй.

Ада улыбнулась и сняла наушники, оставив их болтаться на шее на манер ожерелья.

– Старший помощник Джеймс Холден. – Ее нигерийский акцент подчеркивал преувеличенную официальность обращения. – Чем могу быть полезна?

– Раз уж вы спрашиваете, – в тон отозвался он, – я как раз подумывал, что хорошо бы пригласить кого-нибудь к себе в каюту после третьей смены. Устроить романтический ужин из той дрянни, что сварганят на камбузе. Музыка послушать.

– Винца выпить... – подхватила она, – правила нарушить. Мысль недурна, только я сегодня не в настроении для секса.

– Я не о сексе. Поедим, побеседуем.

– А я – о сексе, – сказала она.

Холден опустился на колени у ее кресла. Тяга давала одну треть g, так что в этой позе ему было удобно. Усмешка на лице Ады стала мягче. Монитор загудел. Она бросила взгляд на экран, ткнула в клавишу пуска и опять повернулась к Холдену.

– Ада, ты мне нравишься. То есть мне нравится быть с тобой, – сказал он. – И я не понимаю, почему нам нельзя посидеть вместе в одежке.

– Холден, миленький, брось это, а?

– Что бросить?

– Не пытайся сделать из меня невесту. Ты славный парень, у тебя классная задница и ты хорош в койке. Но это не значит, что мы обручены.

Холден опустил на пятки и поймал себя на том, что хмурится.

– Ада. Мне этого мало, мне нужно кое-что еще.

– А вот этого не будет, – сказала она, взяв его за руку. – И хорошо, что не будет. Ты здесь старший помощник, а я – временный работник. Еще рейс, может, два, и я уйду.

– Я тоже не цепями прикован.

В ее смешке послышались одновременно ласка и недоверие.

– Сколько ты прослужил на «Кенте»?

– Пять лет.

– Никуда ты не денешься, – сказала она. – Тебе здесь удобно.

– Удобно? – повторил он. – «Кент» – дряхлая ледяная баржа.

Работу дерьмовее найти можно, но пришлось бы постараться. Вся команда состоит либо из жутких недоучек, либо из людей, здорово напортачивших на последней работе.

– Но тебе здесь удобно. – Ее взгляд стал жестче. Она прикусила губу, глянула на экран, подняла глаза вверх.

– Я этого не заслужил, – сказал он.

– Нет, – согласилась она. – Слушай, я же говорю, что сегодня не в настроении. Паршиво себя чувствую. Мне надо выспаться. Завтра я буду добрее.

– Обещаешь?

– Я даже приготовлю тебе обед. Извинения приняты?

Он скользнул вперед, поцеловал ее в губы. Она ответила – сперва из вежливости, потом теплее. Ее ладонь легла было ему на затылок, но Ада тотчас отстранилась.

– Слишком уж хорошо ты этому научился, – проворчала она. – Теперь тебе пора идти. Исполнять обязанности и тому подобное.

– Ладно, – ответил он и не двинулся с места.

– Джим, – сказала она и включила систему общего оповещения.

– Холден, в рубку! – Голос капитана Макдауэлла прозвучал гулко и невнятно. Холден ответил неприличным словом. Ада рассмеялась. Он прижался к ней теснее, чмокнул в щеку, затем повернулся к центральному лифту, про себя пожелав капитану Макдауэлли чирьев на видном месте за чертовски несвоевременный вызов.

Рубка была немногим больше каюты Холдена и вдвое меньше камбуза. Если бы не довольно широкий экран, необходимый здесь из-за близорукости капитана и его недоверия к коррекционной хирургии, помещение сошло бы за заднюю комнатку бухгалтерской конторы. Воздух пахнул чистящим средством и слишком крепким чаем мате. Когда Холден вошел, капитан шевельнулся в кресле. Потом откинулся назад и через плечо указал на установ-ку связи.

– Бекка! – рявкнул он. – Скажи ему!

Дежурный офицер связи Ребекка Байерс походила на потомка топора и акулы. Черные глаза, острые черты лица, губы такие тонкие, что их, почитай, вовсе не было. На борту ходили слухи, что она подрядилась на эту работу, чтобы сбежать от суда за убийство бывшего мужа. Холдену она нравилась.

– Аварийный вызов, – сказала она. – Принят два часа назад. Подтверждение опознавательного сигнала только что получено с Каллисто. Это не фальшивка.

– Эх, – вздохнул Холден и добавил: – Дерьмо. Мы ближе всех?

– Единственный корабль на несколько миллионов кэмэ.

– Ну-ну. Ясно, – сказал Холден.

Бекка перевела взгляд на капитана. Макдауэлл хрустнул пальцами и уставился на дисплей. Свет от экрана окрашивал его лицо зеленым.

– Рядом на карте астероид, не принадлежащий к Поясу, – сказал он.

– Да ну? – удивился Холден. – Не могли же они в него врезаться. Там миллионы километров для маневра.

– Может, кому-то понадобилось на горшочек, вот и завернули к нему. Нам известно только, что эти тупицы где-то там, трубят в аварийный сигнал, и мы ближе всех. Следовательно...

Закон Солнечной системы не допускал двойных толкований. В среде, столь враждебной, как космос, помощь и взаимовыручка были отнюдь не вопросом выбора. Аварийный сигнал сам по себе обязывал ближайший корабль задержаться и оказать помощь – впрочем, это не означало, что закон всегда исполнялся.

«Кентербери» шел с полным грузом. Целый месяц они потихоньку разгоняли миллион с небольшим тонн льда. Так же, как маленький айсберг, раздробивший руку Паю, затормозить их было непросто. Никуда не денешься от искушения объявить о необъяснимой поломке рации, стереть запись в журнале и следовать закону великого бога Дарвина.

Впрочем, если бы Макдауэлл решил поступить именно так, он не вызвал бы Холдена. И не заводил бы разговор там, где его могла слышать вся команда. Холден понимал, что у него на уме. Капитан решил сделать вид, что проигнорировал бы сигнал, если б не Холден. Ворчуны похвалят капитана за то, что он хотел сохранить в целостности доход от рейса. А Холдена будут уважать за то, что он твердо соблюдает правила. Но в любом случае оба – и капитан, и Холден – окажутся виноваты в том, что поступили, как требует закон и простая человеческая порядочность.

– Придется остановиться, – сказал Холден и неуклюже добавил: – Ладно, может, разживемся каким барахлишком.

Макдауэлл барабанил пальцами по экрану. Из динамика прозвучал голос Ады, тихий и мягкий, словно она стояла рядом.

– Капитан?

– Рассчитайте торможение этого корыта, – приказал тот.

– Сэр?

– Насколько сложно будет причалить к СА-2216862?

– Мы останавливаемся на астероиде?

– Скажу, когда вы исполните приказ, штурман Тукунбо.

– Есть, сэр. – Холден услышал несколько щелчков. – Если развернуться прямо сейчас и гореть свечкой два дня, можно сблизиться на пятнадцать тысяч километров, сэр.

– Не уточните ли, что значит «гореть свечкой»? – спросил капитан.

– Придется уложить всех в амортизаторы.

– Еще бы. – Макдауэлл вздохнул и почесал в косматой бороде. – И еще лед помнет корпус, и ремонт обойдется в пару миллионов, если повезет. Староват я для таких дел, Холден, честное слово.

– Верно, сэр. Староваты. И я давно облизываюсь на ваше кресло, – ответил Холден. Макдауэлл ухмыльнулся и сделал неприличный жест. Ребекка фыркнула. Макдауэлл повернулся к ней.

– Сообщите на маяк, что мы идем. И дайте знать на Цереру, что задерживаемся. Холден, как наш «Рыцарь»?

– Для полета в атмосфере надо заменить несколько деталей, но пятьдесят тысяч кэмэ в вакууме продержится.

– Уверены?

– Так сказала Наоми, значит, так оно и есть.

Макдауэлл поднялся, развернув тело в два с четвертью метра роста, тонкое, как у земного подростка. Для человека его возраста, никогда не жившего в гравитационном колодце¹, предстоящее ускорение, вероятно, окажется адом. Холден ощутил жалость, но не дал ей воли, чтобы не смущать капитана.

– Вот что, Джим. – Макдауэлл понизил голос так, что его мог слышать только Холден. – Мы обязаны остановиться и сделать попытку, но не обязаны лезть из кожи, ты меня понял?

– Мы уже остановились, – сказал Холден, и Макдауэлл похлопал по воздуху широкой, похожей на паука ладонью. Один из множества жестов, изобретенных астерами взамен мимики и пожатия плечами, невидимыми под скафандрами.

– Ничего не поделаешь, – сказал он. – Но если покажется, буд-то там что-то не так, не разыгрывай героя. Собирай игрушки и бегом домой.

¹ Гравитационным колодцем называется область, где ощущается влияние тяготения небесных тел. Здесь употребляется в смысле «на поверхности крупных планет».

– И оставить их следующему кораблю, который окажется поблизости?

– И уцелеть, – сказал Макдауэлл. – Приказ. Понял?

– Понял, – ответил Холден.

Щелкнув, ожила система общего оповещения, и Макдауэлл принялся объяснять команде положение дел. Холдену показалось, что он слышит стон на всех палубах. Он подошел поближе к Ребекке.

– Ладно, что там у нас за разбитый корабль?

– Легкий грузовик. Приписан к Марсу. Портом назначения указан Эрос. Называется «Скопули»...

Глава 2 Миллер

Детектив Миллер откинулся на пенопластиковом стуле, мягко улыбаясь девушке и одновременно пытаюсь уловить смысл в ее рассказе.

– ...А потом все – ух! Полно крутяков, ор и мочилровка, – таторила девица, размахивая руками. – Думала, просто пляски, только вот Буми вроде как не знал и в уме не держал, аминь. Понимаешь, кве?¹

Хэвлок, стоявший у двери, дважды моргнул. На лице коротышки читалось нетерпение. Вот почему он никогда не станет старшим детективом. И поэтому же он вечно продувает в покер.

Миллер хорошо играл в покер.

– Еще как, – отозвался Миллер. В его голосе прорезался акцент нижних уровней. Он лениво повел рукой, повторяя жест девушки. – Буми, он не ждал. Пропустил удар.

– Ага, пропустил удар, хрен такой, – повторила девица, слово затверживая стих из Писания. Миллер кивнул, и она кивнула в ответ – точь-в-точь пара птиц в брачном танце.

Съемная нора состояла из трех помещений, раскрашенных в бежевый с черными пестринками, – кухня, ванная и жилая комната. Выдвижная койка в комнате ломалась и чинилась столько раз, что уже отказывалась убираться. Здесь, вблизи центра вращения Цереры, искусственная гравитация почти не ощущалась. Воздух пропах старыми белковыми дрожжами и грибами. Местная пицца – стало быть, тот, кто сломал девице койку, не платил за обед. А может, заплатил, а девица предпочла потратить средства на героин, алкоголь или МСК².

В любом случае это ее дело.

¹ Что это (*исп.*).

² Видимо, имеется в виду мескалин.

– Дальше кве? – спросил Миллер.

– Буми пш-ш – как воздух из шлюза, – хихикнула девица. – Аж башкой вдарился, понял?

– Понял, – согласился Миллер.

– Теперь все крутые новые. Выше крыши. Я завязала.

– А Буми?

Девушка медленно, с башмаков и до узкополой шляпы, оглядела его. Миллер хмыкнул. И слегка оттолкнулся от стула, так, что при здешней низкой гравитации его приподняло в воздух.

– Он объявится, я спрашивал, кве си? – сказал детектив.

– Комо но, – согласилась девица. «Почему бы и нет».

Туннель за дверью был бы белым, если б не слой грязи. Шириной в десять метров, туннель полого поднимался в обе стороны. Светодиодные лампы даже не пытались притвориться солнечным светом. Примерно в полукилометре отсюда кто-то так расколотил стену, что проглядывала коренная порода, а починить никто еще не собрался. Может, и не соберутся. Так глубоко, к самому центру вращения, туристы не спускаются.

Хэвлок шел к их карту¹, высоко подпрыгивая на каждом шагу. Он редко захаживал на уровни с низкой гравитацией, и здесь ему было не по себе. Миллер всю жизнь прожил на Церере, но и его, правду сказать, кориолисова сила малость покачивала.

– Итак, – начал Хэвлок, набрав код места назначения, – ты повеселился.

– О чем это ты? – спросил Миллер.

Загудел, оживая, электромотор, и кар покотился по туннелю, поскрипывая пенопластиковыми шинами.

– Показал землянину, как говорят на внешних мирах, да? – спросил Хэвлок. – Я и половины не понял.

– Нет, это не астеры морочили землянина, – объяснил Миллер. – Тут разница между бедняками и образованными людьми. Хотя я и вправду малость позабавился.

Хэвлок рассмеялся. Он умел принимать шутки в свой адрес без обид. Оттого ему так хорошо давались командные игры: футбол, баскетбол, политика.

Миллер в эти игры играть не умел.

Церера, портовый город Пояса и внешних планет, с диаметром двести пятьдесят километров, могла похвалиться десятью тысячами километров коридоров в несчетных слоях. Чтобы раскрутить ее до 0,3 g, лучшие умы инженерно-производственного концерна «Тихо» трудились полпоколения – и до сих пор изрядно гордились собой. Сейчас на Церере было больше шести миллионов постоян-

¹ Здесь: открытая электрическая тележка.

ного населения, а тысяча кораблей, причаливавших ежедневно, увеличивала его и до семи.

Платина, железо и титан с Пояса. Вода с Сатурна, овощи и мясо из обогреваемых зеркалами теплиц Ганимеда и Европы, прочая органика с Земли и Марса. Гелий-3 из обогатительных станций Реи и Япета. Через Цереру текла река богатства и могущества невиданной за всю историю человечества величины. А там, где процветает торговля, не обходится без преступности. Где есть преступники, там будет и служба безопасности, чтобы держать их в рамках. Люди вроде Миллера и Хэвлока, чья работа – гонять на электрокарах по широким пандусам, чувствуя, как уходит из-под них искусственная гравитация вращения, и расспрашивать дешевых шлюх о событиях той ночи, когда рэкетир Буми Чаттерджи перестал собирать дань для общества «Золотая Ветвь».

Штаб-квартира службы безопасности «Звездная Спираль» – полицейских сил и военного гарнизона станции Церера – располагалась на третьем от поверхности уровне, занимала два квадратных километра и была прокопана на такую глубину, что Миллер мог, не выходя со службы, подняться на пять уровней¹. Хэвлок остался, чтобы сдать кар, а Миллер прошел в свой кабинет, загрузил запись допроса и стал прогонять ее заново. Он дошел до середины, когда на плечи ему навалился партнер.

– Что-нибудь разобрал? – спросил Хэвлок.

– Не так уж много, – ответил Миллер. – На Буми налетела шайка ничейных местных головорезов. Иной раз мелкие сошки вроде Буми сами нанимают таких, чтобы дать им героический отпор. Создают себе репутацию. Это она и назвала «плясками». Ребята были подходящего калибра для таких дел, только вот Буми вместо того, чтобы разыграть крутого ниндзя, смылся и не возвращается.

– И что дальше?

– А дальше ничего, – сказал Миллер. – Вот этого я и не понимаю. Кто-то вышвырнул сборщика «Золотой Ветви», а реакции никакой. Я хочу сказать – ладно, Буми был шестеркой, но...

– Но если кто-то проглотит шестерок, большие люди получают меньше денег, – кивнул Хэвлок. – Так почему же «Золотая Ветвь» не восстановила гангстерскую справедливость?

– Мне это не нравится, – сказал Миллер.

Хэвлок рассмеялся:

– Астеры. Маленькая странность, а вам уже мерещится, будто рушится экосистема. Если у «Золотой Ветви» не хватает сил постоять за себя, это только к лучшему. Они преступники, не забыл?

¹ Поскольку центробежная сила увеличивается с расстоянием от центра вращения, на станции, где гравитация создается вращением, понятию «низ» соответствует направление от центра, а «верх» – к центру станции.

– Ну да, – вздохнул Миллер, – но, что бы ни говорили об организованной преступности, она, по крайней мере, организованная.

Хэвлок присел на пластиковый стульчик рядом с Миллером и вытянул шею, чтобы заглянуть на экран.

– Ладно, – сказал он. – А как понимать: «пропустил удар»?

– Боксерский термин, – пояснил Миллер. – Значит, получил удар, откуда не ждал.

Компьютер пискнул, и из динамика послышался голос капитана Шаддид.

– Миллер? Вы на месте?

– Хм, – промычал Хэвлок. – Это не к добру.

– Что? – резко переспросила Шаддид. Она так и не сумела отказать от предрассудков по поводу происхождения Хэвлока с одной из внутренних планет. Миллер вскинул ладонь, останавливая партнера.

– Здесь, капитан. Чем могу помочь?

– Зайдите ко мне, пожалуйста.

Миллер встал, а Хэвлок перебрался в его кресло. Они не обменялись ни словом. Оба понимали: раз капитан Шаддид не пригласила обоих, Хэвлока она видеть не хочет. Еще одна причина, по которой ему никогда не стать старшим детективом. Миллер оставил его в одиночестве просматривать запись, разбираясь в нюансах класса и положения, происхождения и расы. Работы ему тут на всю жизнь.

Кабинет Шаддид был обставлен в мягком стиле, по-женски. На стенах – настоящие тканые ковры, из встроенного воздушного фильтра веет ароматом кофе и корицы – это обошлось вдесятеро дешевле самих продуктов. Капитан небрежно относилась к форме, волосы, в нарушение корпоративных правил, носила распущенными по плечам. Если бы Миллера попросили ее описать, ему на ум пришли бы слова: «маскировочная окраска». Она кивнула на стул, и он сел.

– Что узнали? – спросила она, глядя при этом на стену за его спиной. Не издевалась, просто завязывала разговор.

– Похоже, с «Золотой Ветвью» то же самое, что с парнями Сохиро и Локи Грейги. Они еще на станции, но... не при делах, я бы сказал. Пустили всё на самотек. Меньше бандитов осталось на виду, меньше насилия. Я потерял из поля зрения с полдюжины не самых мелких фигур.

Ему удалось добиться внимания.

– Убиты? – спросила капитан. – АВП наступает?

Альянс Внешних Планет был постоянным пугалом для службы безопасности Цереры. АВП, блюдя традиции Аль Капоне и ХАМАС, ИРА и «Красного Марса», добился любви тех, кого подерживал, и внушал страх всем, кто оказывался у него на пути. Эта организация – то ли общественное движение, то ли нарождающаяся-

ся нация, то ли террористическая сеть – была начисто лишена уважения к закону. Капитан Шаддид недолюбливала Хэвлока, потому что тот вынырнул из гравитационного колодца, но она хоть соглашалась с ним работать. АВП вышвырнул бы его из шлюза. А люди вроде Миллера заслуживали только пули в голову, притом непременно пластиковой – чтобы не повредить воздуховоды.

– Не думаю, – сказал Миллер. – Войной тут не пахнет. Тут... черт возьми, сэр¹, не понимаю я, что за чертовщина. Тут крупные ставки. Рэкет на спаде, меньше игр без лицензий. Купер и Харири закрыли публичный дом с несовершеннолетними шлюхами на шестом, и никто не слышал, чтобы они открыли его в другом месте. Болтаются кое-где отморозки, но в целом все выглядит замечательно. Только вот пахнет странным.

Она кивнула, но уже снова смотрела в стену. Ее интерес пропал так же быстро, как появился.

– Ну, забудьте об этом, – сказала она. – У меня кое-что есть. Новый контракт. Только для вас. Без Хэвлока.

Миллер скрестил руки на груди.

– Новый контракт? – медленно повторил он. – В смысле?

– В смысле, «Звездная Ось» принимает контракт на услуги дополнительно к поддержанию порядка на Церере, и я, как менеджер корпорации, передаю его вам.

– Я уволен? – спросил он.

Капитан Шаддид болезненно поморщилась.

– Это дополнительная работа, – сказала она. – Вы остаетесь на прежней должности. Просто, кроме того... Слушайте, Миллер, мне это нравится не больше, чем вам. Я не выпихиваю вас со станции. Я не отказываю вам в основном контракте. Это просто услуга, которую кто-то на Земле оказывает акционеру.

– Мы теперь оказываем услуги акционерам? – спросил Миллер.

– Вы оказываете, – отрезала Шаддид. Мягкого примирительного тона как не бывало. Ее глаза стали темными, как мокрый камень.

– Ну что ж, – произнес Миллер, – значит, придется оказать.

Капитан Шаддид протянула ему ручной терминал. Миллер извернулся, достал свой и принял узколучевую передачу. Что бы в ней ни было, Шаддид не допускала ее в общую сеть. На экране появился новый файл, помеченный как «ДЖМАО».

– Они ищут пропавшую дочь, – пояснила капитан Шаддид. – Ариадна и Жюль-Пьер Мао.

Имена казались знакомыми. Миллер потыкал в экран пальцем.

¹ Обращение «сэр» к начальнику женского пола, применяющееся при строгой официальной форме общения, видимо, следует понимать как развитие традиций политкорректности.

– Торговое предприятие «Мао – Квиковски»?

– Оно самое.

Миллер тихо присвистнул.

«Маоквик», может, и не входила в десяток крупнейших корпораций Пояса, но уж точно числилась в первой полусотне. Она возникла из юридической фирмы, имевшей отношение к легендарному провалу с облачными городами Венеры. Деньги, полученные от тянувшегося десятилетиями судебного процесса, они вложили в расширение и диверсификацию фирмы, большей частью в межпланетные перевозки. Теперь станция корпорации была независимой, плавала между Поясом и внутренними планетами с царственным величием океанского лайнера древних морей. Уже тот факт, что Миллер знал о них так много, означал, что людей вроде него фирма могла купить и продать, не моргнув глазом.

Его только что купили.

– База у них на Луне, – сказала капитан Шаддид. – Со всеми правами и привилегиями земного гражданства. Но они много занимаются здешними транспортировками.

– И недосмотрели за дочкой?

– Паршивая овца, – сказала капитан. – В колледже замешалась в группу под названием «Дальние Горизонты». Студенты-активисты.

– Фронт АВП, – подсказал Миллер.

– Связаны с ним, – поправила Шаддид. Миллер пропустил уточнение мимо ушей, однако в нем проснулось любопытство. Он задумался, на какой стороне окажется капитан Шаддид, если АВП таки выступит. – Семья замяла дело. У них двое старших детей, которым принадлежит контрольный пакет акций, так что если Джули нравилось носиться в пустоте и называть себя борцом за свободу, им это не мешало.

– Однако теперь они ее ищут, – заметил Миллер.

– Да.

– Что изменилось?

– Они не сочли нужным объяснить.

– Ясно.

– По последним сведениям, она работала на станцию Тихо, но квартиру снимала здесь. Я нашла ее помещение через сеть и заперла. Пароль у вас в файле.

– Понял, – сказал Миллер. – Каковы мои обязанности?

– Найти Джули Мао и доставить домой.

– То есть похитить, – сказал он.

– Да.

Миллер пялился на экран терминала, перещелкивал файлы, почти не глядя. Внутри у него затягивался странный узел. Он шест-

надцать лет проработал на безопасность Цереры и с самого начала не обольщался иллюзиями. Штука заключалась в том, что на Церере не было законов – но была полиция. И грязи у него на руках накопилось не меньше, чем у капитана Шаддид. Случалось, люди вываливались из шлюзов. Случалось, из сейфов пропадали улики. Речь шла не о том, справедливо это или несправедливо. Главное, чтобы это оправдывало себя. Когда проводишь жизнь в каменном пузыре и пищу, воду, даже воздух тебе доставляют из мест столь отдаленных, что не во всякий телескоп разглядишь, приходится учиться гибкости. Но похищениями они прежде не занимались.

– В чем проблема, детектив? – спросила Шаддид.

– Ни в чем, сэр. Я займусь этим делом.

– Не тратьте на него слишком много времени, – сказала она.

– Да, сэр. Что-нибудь еще?

Жесткий взгляд капитана Шаддид смягчился, словно она снова надела маску. Она улыбнулась.

– С партнером у вас все хорошо?

– Хэвлок в порядке, – сказал Миллер. – Когда он рядом, люди по контрасту думают обо мне лучше. Это приятно.

Ее улыбка стала самой малостью искреннее. Ничто не сближает начальника с подчиненным больше, чем капелька единодушия в расовых вопросах. Миллер почтительно кивнул и вышел.

Его нора была на восьмом уровне, в ответвлении жилого тоннеля ста метров шириной с пятьюдесятью метрами ухоженного зеленого парка посередине. Сводчатый потолок основного тоннеля освещался скрытыми светильниками и был выкрашен в голубой цвет – по словам Хэвлока, такой же, как летнее небо Земли. Жизнь на поверхности планеты, где масса пронизывает все кости и мышцы, а воздух не удерживается ничем, кроме гравитации, представлялась быстрым способом сойти с ума. Но голубое небо выглядело приятно.

Кое-кто, по примеру капитана Шаддид, ароматизировал воздух. Конечно, не только кофе и корицей. В норе Хэвлока пахло свежим хлебом. Другие предпочитали ароматы цветов или семиферомоны. Кандес, бывшая жена Миллера, любила запах какого-то «Земного Ландыша», от которого ему всегда вспоминались уровни утилизации отходов. Теперь Миллер оставил чуточку усиленный запах самой станции. Восстановленный воздух, побывавший в миллионах легких. Вода из крана, лабораторной чистоты, но в недавнем прошлом – моча, дерьмо, слезы, кровь, и она станет ими снова. Круг жизни на Церере был так мал, что не представляло трудности разглядеть край. Миллеру это нравилось.

Он налил себе стакан мохового виски – местного церерского напитка из модифицированных дрожжей, – сбросил ботинки и лег на пенопластиковую кровать. Он как сейчас видел неодобрительную гримасу Кандес и слышал ее вздох. Мысленно он виновато пожал плечами и занялся работой.

Джульетта Андромеда Мао. Он прочел биографию, сведения об учебе. Талантливая гонимая. В файле нашлась фотография ее в восемнадцать лет в модном вакуумном скафандре без шлема: симпатичная девушка с тонкой фигурой лунной жительницы, с длинными черными волосами. Она улыбалась так, словно вся вселенная посылала ей воздушный поцелуй. Подпись гласила, что она заняла первое место в чем-то под названием «Пэрриш/Дорн 500К». Он быстро нашел справку. Какая-то гонка, участвовать в которой могли позволить себе только по-настоящему богатые люди. Ее шлюпка – «Бритва» – побила прежний рекорд и два года удерживала новый.

Миллер попивал виски и гадал, что могло случиться с девушкой, достаточно богатой и влиятельной, чтобы прилететь сюда на собственном корабле. От участия в престижной гонке до похищения и отсылки домой в коконе – долгий путь. А может быть, и нет.

– Бедная маленькая богачка, – обратился к экрану Миллер. – Паршиво, наверно, на твоём месте.

Он закрыл файлы, тихо, сосредоточенно допил виски и устался в пустой потолок. Стул, на котором сживала Кандес, расспрашивая его, как прошел день, нынче стоял пустым, но он все равно представлял ее на обычном месте. Теперь, когда никто не втягивал его в разговор, он ее лучше понимал. Ей было одиноко. Теперь он это видел. Воображаемая Кандес закатила глаза.

Через час, разогрев кровь выпивкой, он сварил миску настоящего риса с фальшивыми бобами – дрожжи и грибы сойдут почти за что угодно, лишь бы хватило виски. Миллер открыл дверь своей норы и поел, глядя на движение в тоннеле. Вторая смена втекала в станции «трубы» и вытекала из них. Ребячишки, жившие через две норы от него, – восьмилетняя девочка с четырехлетним братишкой – встретили вернувшегося отца объятиями, визгом, жалобами друг на друга и слезами. Голубой потолок светился отраженным светом: неизменный, неподвижный, внушающий уверенность. По тоннелю пролетел воробей, завис в воздухе. Хэвлок уверял, что на Земле они так не могут. Миллер бросил воробью ненастоящий боб.

Он заставлял себя думать о Мао, но, по правде сказать, ему не было до нее дела. С организованной преступностью на Церере творилось что-то странное, и он чувствовал себя чертовски неудобно.

А что Джули Мао? Она не имеет отношения к делу.

Глава 3 Холден

После добрых двух суток торможения у Холдена ныли колени, спина и шея. Черт, и ступни тоже. Он пролез в рабочий шлюз «Рыцаря» одновременно с Наоми, поднявшейся по трапу из грузового отсека. Она улыбнулась и одобрительно оттопырила большие пальцы.

– Спасательный мех¹ установлен, – сказала она. – Реактор греется. Готовы к вылету.

– Хорошо.

– Пилот нашелся? – спросила она.

– Алекс Камал сменился, он с нами и полетит. Жаль, что не Валка. Как пилот он Алексу не ровня, зато не так разговорчив, а у меня голова болит.

– Мне Алекс нравится. Он пассионарий, – сказала Наоми.

– Не знаю, что такое «пассионарий», но если это Алекс, он меня утомляет.

Холден уже поднимался по трапу в операторскую кабину. Отразившаяся в блестящей черноте отключенных экранов Наоми усмехнулась ему в спину. Он не мог понять, как это астеры, тощие как карандашики, с такой легкостью опраправлялись от перегрузок. Подозревал, что дело тут в десятилетиях практики и естественном отборе.

В кабине Холден пристегнулся к командной консоли, и амортизирующий материал мягко обьял его тело. После половины g, на которой Ада прошла остаток пути, пена была кстати. Он позволил себе тихонько застонать. Резко щелкали переключатели из пластика и металла, рассчитанные на большие перегрузки и долгие десятилетия. «Рыцарь» отозвался созвездием индикаторов диагностики и еле слышным гулом.

¹ Мех – от «механизм».

Несколько минут спустя Холден оглянулся и увидел поднимающуюся над люком лысеющую макушку Алекса Камала; следом за ней показалась его веселая круглая физиономия, по-прежнему смуглая, несмотря на годы корабельной жизни. Выросший на Марсе, Алекс был сложен плотнее астеров, но тоньше, чем Холден, и все же его скафандр натягивался на выпуклом брюшке. Когда-то Алекс служил в марсианском флоте, но, видно, давно забросил армейскую привычку держать себя в форме.

– Приветик, старпом, – протянул он. Холдена раздражала ковбойская тягучесть в речи жителей долины Маринера. Ковбои и на Земле-то сотни лет как повывелись, а уж на Марсе, где трава росла только под куполами, лошадей можно было увидеть разве что в зоопарке. Долину заселяли индусы и китайцы с небольшой примесью техасцев. Как видно, выговор последних оказался заразителен. Теперь все они говорили так. – Как наш боевой конь?

– Пока все гладко. Нам нужен полетный план. Ада переведет нас в относительную неподвижность через... – он прочитал показания табло, – сорок минут, так что поторопись. Хотелось бы вылететь, сделать дело и вернуть «Кент» на курс к Церере, пока он не заржавел.

– Роджер¹, – отозвался Алекс, забираясь в кабину.

В шлеме у Холдена щелкнуло, и голос Наоми произнес:

– Амос и Шед на борту. Мы здесь готовы.

– Хорошо. Ждем расчет курса от Алекса и отправляемся.

Экипаж челнока был минимальным: Холден – командир, Алекс – чтобы доставить их на место и обратно, Шед – на случай, если выжившим понадобится помощь. И еще Наоми и Амос, чтобы подобрать бесхозное имущество, если выживших не окажется.

Довольно скоро Алекс доложил:

– Ну вот, босс, нас ждет примерно четыре часа на летающем чайнике. Используем около тридцати процентов общей массы, но бак у нас полный. На все задание одиннадцать часов.

– Принял. Спасибо, Алекс, – ответил Холден.

«Летающим чайником» на флотском жаргоне называлось движение на маневровой тяге с использованием перегретого пара от реакторной массы. Включать ядерный двигатель поблизости от «Кентербери» было опасно, да и незачем для такого короткого перелета. Реактивные двигатели, изобретенные до Эпштейна, обладали куда меньшей эффективностью.

– Прошу разрешения на выход из конюшни, – сказал Холден, перещелкнув тумблер связи на мостик «Кентербери». – Докладывает Холден. «Рыцарь» готов к вылету.

¹ «Роджер» – общепринятый сигнал окончания связи в американской армии, здесь употребляется в смысле «принято» или «подтверждаю».

– Отлично, Джим, отправляйтесь, – отозвался Макдауэлл. – Ада как раз останавливается. И осторожней там, ребятки. Челнок стоит дорого, да и Наоми мне всегда была по душе.

– Роджер, капитан, – ответил Холден и, переключившись обратно на внутреннюю связь, просигналил Алексу: – Давай, выводи нас.

Холден откинулся в кресле и стал слушать, как поскрипывает при финальном маневре «Кентербери». Сталь и керамика издавали звуки столь же громкие и зловещие, как борта морских кораблей. И как суставы землянина после перегрузок. Холден сочувствовал кораблю.

Конечно, на самом деле они не останавливались. В пространстве не бывает настоящей неподвижности – можно только выйти на одну орбиту с другим объектом. Сейчас они следовали за СА-2216862 в его веселом тысячелетнем путешествии вокруг Солнца.

Ада дала им зеленый свет, и Холден, откачав воздух из ангара, открыл шлюз. Алекс вывел их из дока на белом конусе перегретого пара.

Они направлялись к «Скопули».

СА-2216862 оказался скалой полкилометра в поперечнике, отбившейся от Пояса и притянутой мощным притяжением Юпитера. В конечном счете астероид нашел собственную неторопливую орбиту вокруг Солнца в пространстве между Юпитером и Поясом – пустынном даже по космическим меркам.

При виде «Скопули», приткнувшегося к боку астероида и удерживаемого его ничтожной гравитацией, Холдену стало зябко. Даже при полете вслепую, с выключенными датчиками, вероятность случайного столкновения бесконечно мала. Это все равно что налететь на полукилометровый дорожный барьер на шоссе шириной в миллионы километров. Холден почувствовал, как волосы у него на загривке неприятно зашевелились.

– Алекс, держись в двух кмэ, – произнес он. – Наоми, что скажешь об этом кораблике?

– Очертания корпуса соответствуют данным регистрации. Это определенно «Скопули». Не излучает ни в электромагнитном, ни в инфракрасном. Только спасательный маячок. Похоже, реактор заглушен. Должно быть, вручную, а не аварийно, потому что утечки радиации тоже не отмечено, – сказала Наоми.

Холден посмотрел на картинку, переданную оптикой «Рыцаря», и на объемное изображение, созданное отражающимся от корпуса лучом лазера.

– А как насчет той штуки, что похожа на дырку в обшивке?
 – Ну, – сказала Наоми, – ладар¹ говорит, что это и есть дырка в обшивке.

Холден нахмурился.

– Ладно, задержимся на минутку, проверим еще раз окрестности. Что там на оптике, Наоми?

– Ничего. Большая антенна «Кента» увидела бы и мальчишку, швыряющегося камнями на Луне. Бекка говорит, вокруг на двадцать миллионов кэмэ никого.

Холден отстучал сложный ритм по подлокотнику своего кресла и приподнялся, насколько позволяли ремни. Ему стало жарко, и он направил ближайшее сопло циркуляции воздуха себе в лицо. От испаряющегося пота защищало кожу на голове.

«Если покажется, будто там что-то не так, не разыгрывай героя. Собирай игрушки и бегом домой». Так ему было приказано. Он оглядел изображение «Скопули», дыру в борту.

– Ладно, – наконец проговорил он. – Алекс, подойди на четверть кэмэ и держись так. К корпусу подъедем на мехе. Да, и не давай чайнику остывать. Если на том кораблике прячется что-то нехорошее, я хочу, чтобы мы могли рвануть с места и заодно расплавить в шлак все, что окажется за нами. Роджер?

– Понял, босс. «Рыцарь» будет готов рвануть как испуганный кролик, пока не поступит других распоряжений, – ответил Алекс.

Холден еще раз осмотрел панель управления, поискал предостерегающие красные огоньки, которые дали бы ему повод вернуться на «Кент». Но все огни горели спокойным зеленым светом. Тогда он отстегнулся и оттолкнулся от кресла. Дотянувшись ногой до стены, направил себя к трапу и спустился головой вперед, придерживаясь за ступени.

В командном отсеке Наоми, Амос и Шед еще лежали в амортизаторах. Холден, ухватившись за трап, перевернулся, чтобы не смотреть на команду вверх ногами. Они принялись отстегиваться.

– Ну вот, положение таково. В «Скопули» дыра, и кто-то оставил его плавать у этого булыжника. В поле зрения никого, так что, может, они давно ушли. Наоми, ты поведешь спасательный мех, а нас троих возьмешь на буксир. Шед, ты останешься на мехе, если мы не обнаружим раненых, что вряд ли. Мы с Амосом попадем внутрь сквозь дыру и пошарим там. Если увидим что-то, хоть немного похожее на ловушку, сразу возвращаемся. Наоми доставит нас к «Рыцарю», и мы тут же смоемся. Вопросы есть?

Амос поднял мясистую руку.

¹ Ладар – световой (лазерный) радар.

– Может, нам лучше вооружиться, старпом? На случай, если там затаились какие пираты.

Холден усмехнулся:

– Если затаились, значит, приятели улетели без них. Но если тебе так спокойнее, бери пушку.

О том, что и ему самому будет спокойнее, если здоровенный механик-землянин захватит пистолет, он говорить не стал. Пусть думают, что командир уверен в себе.

Холден офицерским ключом отпер оружейный сейф, и Амос взял себе крупнокалиберный автомат, стреляющий самодвижущимися снарядами без отдачи, – сконструированный специально для невесомости. Старомодные пули были надежнее, но при нулевом тяготении действовали как маневровые двигатели. Отдача обычного пистолета запросто могла выбросить стрелка из поля притяжения такого камешка, как СА-2216862.

Команда выплыла в грузовой отсек, где их ждал мех – яйцевидная клетка с паучьими ногами. Каждая из четырех конечностей заканчивалась когтем манипулятора и скрывала набор инструментов для резки и сварки металла. Задняя пара могла вцепиться в корабельную обшивку или любую другую опору, а две передние в это время занимались бы ремонтом или разрубали обломки крушения на транспортабельные куски.

– Надеваем шляпы, – скомандовал Холден, и они помогли друг другу надвинуть и закрепить шлемы. Каждый проверял свой скафандр и скафандр одного из соседей. Когда откроется створка шлюза, поздно будет выяснять, все ли правильно застегнулись.

Пока Наоми возилась с мехом, Амос, Холден и Шед закрепили буксировочные концы своих скафандров на металлической клетке его корпуса. Наоми включила отсос воздуха, выждала и открыла переборку. Из всех звуков в шлеме Холдена остались только шипение и шуршание помех в рации. Дыхательная смесь в скафандре припахивала лекарством.

Наоми вышла первой и направила мех к астероиду, двигаясь на выбросе азота из сопла. Остальные потянулись за ней на трехметровых буксирах. На лету Холден оглянулся на «Рыцаря»: тяжеловесный серый клин с конусом двигателя на широком конце. Люди, создававшие устройства для перемещения в пространстве, думали об эффективности, а не о красоте. Холдена это всегда чуточку огорчало. Даже здесь могло бы найтись место прекрасному.

«Рыцарь», казалось, уплывал прочь, становился все меньше, а сам Холден будто повис в неподвижности. Иллюзия исчезла, когда он обернулся к астероиду и обнаружил, что они падают прямо на него. Он открыл канал связи с Наоми, но та в полете напевала что-то без слов – верный знак, что хотя бы она была спокойна. Он

ничего ей не сказал, но оставил связь включенной, чтобы слышать, как она мычит себе под нос.

Вблизи «Скопули» выглядел не так уж плохо. Кроме зияющей в борту дыры, других повреждений не было заметно. Корабль явно не врезался в астероид. Его просто бросили настолько близко, что микрогравитация постепенно притянула его вплотную к камню. По мере приближения Холден щелкал камерой шлема и передавал картинки на «Кентербери».

Наоми зависла в трех метрах над дырой в боку «Скопули». Амос по каналу общей связи присвистнул.

– Это не торпедой пробито, старпом. Проломили взрывчаткой. Видишь, как погнуло металл по краям? Взрывной заряд прилепили прямо к корпусу.

Амос был хорош не только как механик, но и как специалист по хирургически точным взрывам, он раскалывал плавающие вокруг Сатурна айсберги, превращая их в пригодные для погрузки глыбы льда. Это была дополнительная причина включить его в команду «Рыцаря».

– Итак, – заговорил Холден, – наши друзья со «Скопули» оставались, позволили кому-то взобраться к себе на корпус и прилепить взрывчатку, чтобы вскрыть их и выпустить воздух. Кто-то видит в этом смысл?

– Никакого, – откликнулась Наоми. – Нет тут смысла. Ты все еще хочешь попасть внутрь?

«Если покажется, будто там что-то не так, не разыгрывай героя. Собирай игрушки и бегом домой».

Но разве он мог ожидать чего-то другого? Ясно, что «Скопули» не в порядке. Конечно, с ним что-то не так. Странно было бы *не увидеть* ничего странного.

– Амос, – сказал Холден, – достань на всякий случай свою пушку. Наоми, ты не могла бы расширить для нас пробоину? Только будь осторожна. Чуть что не так – отступаем.

Наоми подвела мех ближе. Выброс азота казался легким облачком в холодной ночи. Вспыхнули сварочные аппараты, металл раскалился докрасна, запылал белым, потом голубым. Беззвучно развернулись манипуляторы меха – как лапы насекомого, – и Наоми начала обрезать края. Холден с Амосом спустились на корпус, прилепившись магнитными подошвами. Холден ногами ощутил вибрацию, когда Наоми отвалила кусок обшивки. Почти сразу погасла сварка, и Наоми принялась обдуть края противопожарной установкой меха, чтобы охладить их. Холден показал Амосу большой палец и очень медленно спустился в дыру.

Отверстие, пробитое почти точно посередине корпуса, вело в камбуз. Дотянувшись подошвами до стены, он почувствовал, как

хрустят под ними прихваченные морозом крошки. Тел не было видно.

– Давай, Амос. Команды пока не видать, – позвал по рации Холден и отодвинулся в сторону. Амос показался почти сразу. Он сжимал в правой руке оружие, а в левой – мощный фонарь. Белый луч заиграл по стенам разбитого камбуза.

– Куда теперь, мастер?

Холден сообщал, барабанил пальцами по бедру.

– В машинный зал. Хочу разобраться, почему не работает реактор.

Они перебирали руками по трапу, двигаясь к корме. Все герметичные переборки между палубами были открыты – дурной признак. При аварии они закрывались автоматически, тем более когда обнаруживалась утечка атмосферы. Если они открыты, значит, ни на одной палубе корабля не осталось воздуха. Неудивительно, но все же разочарование. Они быстро прошли насквозь маленький корабль, задержавшись в механической мастерской. Дорогостоящие части двигателя и инструменты были на месте.

– Пожалуй, это не ограбление, – рассудил Амос.

Холден не спросил: «А что же тогда?», но вопрос повис между ними.

Машинный зал был идеально чистым, холодным и мертвым. Холден дал Амосу осмотреться, и тот добрых десять минут просто плавал над реактором.

– Кто-то проделал все процедуры отключения, – сказал Амос. – Взрыв не затронул реактора, его заглушили позже. Я не нахожу повреждений. Ерунда какая-то. Если все погибли при атаке, кто его заглушил? А если это пираты, почему они не забрали корабль? Он еще мог бы летать.

– А прежде чем заглушить реактор, они прошлись по всем палубам и открыли все герметичные переборки, выпустив воздух. Надо думать, хотели убедиться, что никто там не прячется, – добавил Холден. – Ладно, пошли назад в рубку, посмотрим, не расколется ли компьютер. Может, хоть он нам скажет, что тут было.

Они поплыли вдоль трапа к носу корабля, на командный пост. Здесь тоже было чисто и пусто. Отсутствие тел начинало беспокоить Холдена больше, чем обеспокоило бы их наличие. Он подплыл к панели главного компьютера и нажал несколько клавиш, проверяя, осталось ли аварийное питание. Его не было.

– Амос, вырезай из него ядро. Возьмем с собой. Я пока проверю связь, поищу маячок.

Амос пододвинулся к компьютеру и принялся доставать инструменты, прилепляя их к ближайшей переборке. Работая, он грязно ругался себе под нос. Это было далеко не так мило, как мур-

лычущая песенку Наоми, и Холден отключился и переместился к панели связи. Она умерла вместе со всем кораблем. Он отыскал судовой маяк.

Его никто не включал. Их вызывало что-то другое. Холден, нахмурившись, отодвинулся.

Он осмотрел помещение, ища взглядом что-нибудь неуместное. Вот, на полу, под креслом оператора связи. Маленькая черная коробочка, ни к чему не присоединенная.

Сердце выдержало длинную паузу между ударами. Он окликнул Амоса:

– Как по-твоему, это похоже на мину?

Амос его не услышал. Холден включил радио и повторил:

– Амос, по-твоему, это похоже на мину?

Амос оторвался от работы над компьютером и подплыл ближе, затем движением, от которого у Холдена перехватило горло, подхватил коробочку с полу и поднял перед собой.

– Не-а. Это передатчик. Видишь? – Он поднес его к шлему Холдена. – Наспех подключен к аккумулятору. Что он здесь делает?

– Это маяк, на который мы шли. Господи. Корабельный маяк никто не включал. Кто-то настроил этот передатчик на фальшивый сигнал и подключил его к аккумулятору, – тихо, сдерживая панику, проговорил Холден.

– Кому такое может понадобиться, старпом? Какой смысл?

– Смысл был бы, если б этот передатчик чем-то отличался от стандартного, – сказал Холден.

– Например?

– Например, включал бы второй сигнал, когда его кто-нибудь тронет, – сказал Холден и перешел на канал общей связи.

– Ну вот, мальчики и девочки, мы нашли кое-что странное, поэтому сматываемся отсюда. Всем возвращаться на «Рыцаря», и очень осторожно, когда...

Его рация переключилась на внешний канал. В шлеме раздался голос Макдауэлла.

– Джим? Кажется, у нас проблема.

Глава 4 Миллер

Миллер наполовину закончил ужин, когда зазвенела система в его норе. Он взглянул на код отправителя. «Голубая Лягушка». Это был паршивенький бар, обслуживающий постоянный дополнительный миллион приезжих и рекламировавший себя как практически точную копию знаменитого земного бара в Мумбаи, только с лицензированными проститутками и легальными наркотиками. Миллер еще раз зачерпнул вилкой фальшивых бобов и гидропонного риса, раздумывая, стоит ли отвечать.

«Это надо было предвидеть», – подумал он и спросил:

– Что?

Экран открылся, как хлопушка. Помощник управляющего, Хасини, – темнокожий человек с глазами-ледышками. Кривая усмешка на его лице была результатом повреждения нервов. Миллер однажды оказал ему услугу, когда Хасини неблагоразумно пригред проститутку без лицензии. С тех пор полисмен из службы безопасности и портовый бармен обменивались любезностями. Неофициальная, теневая экономика цивилизации.

– Ваш партнер опять здесь. – Голос Хасини звучал поверх завывающих ритмов музыки Бхангра. – Кажется, у него неудачная ночь. Мне и дальше его обслуживать?

– Да, – протянул Миллер, – постарайтесь ублажить его еще... дайте мне двадцать минут.

– Он не желает ублажаться. Усердно ищет повода для недовольства.

– Постарайтесь, чтоб не нашел. Я сейчас.

Хасини кивнул, дернул щекой и прервал связь. Миллер оглядел недоеденный ужин, вздохнул и сбросил объедки в бачок утилизатора. Натянул чистую рубашку и задумался. В «Голубой Лягушке», на его вкус, всегда было слишком жарко, так что куртку надевать не хотелось. Поэтому компактный пластиковый пистолет он су-

нул в кобуру на лодыжке. Мгновенно достать не удастся, но если дойдет до такого, дело все равно будет дрянь.

Ночная Церера была неотличима от дневной. Когда станция только открылась, пробовали приглушать и включать освещение в традиционном суточном ритме, подражая вращению Земли. Эта причуда продержалась четыре месяца, потом Совет ее прикончил.

Будь Миллер на службе, он взял бы электрокар и прогнал бы по широким туннелям на уровень порта. Его подмывало поступить так и во внеслужебное время, но помешало вьевшееся суеверие. На каре он будет чувствовать себя копом, а «труба» довезет не хуже. Миллер дошел до ближайшей станции, проверил ее состояние и сел на низкую каменную скамью. Минуту спустя подошел человек примерно его возраста с трехлетней девчушкой. Они сели напротив. Непрестанная бессмысленная болтовня лилась с языка девочки, как воздух из прохудившегося клапана, а отец в ответ хмыкал и кивал в более или менее подходящих местах.

Миллер и новый пассажир обменялись кивками. Девочка дергала отца за рукав, требуя внимания. Миллер посмотрел на нее: темные глаза, светлые волосы, гладкая кожа. Она уже слишком вытянулась, чтобы принять ее за землянку, руки и ноги были длиннее и тоньше. И кожа розоватого оттенка, как у всех маленьких астеров, принимающих фармацевтический коктейль для развития мускулатуры и костей. Миллер видел, что отец заметил его интерес. Он улыбнулся и кивнул на малышку:

- Сколько ей?
- Два с половиной, – сказал отец.
- Отличный возраст.

Отец пожал плечами, но улыбнулся в ответ и спросил:

– А у вас есть дети?

– Нет, – сказал Миллер, – моему разводу как раз сравнялось столько же.

Оба захихикали, словно в сказанном было что-то смешное. Воображаемая Кандес скрестила руки и отвернулась. Мягкий сквозняк с запахом масла и озона возвестил о приближении «трубы». Миллер пропустил отца с ребенком вперед и сел в другое купе.

Вагоны «трубы» делали круглыми, чтобы они вписывались в пустые туннели. Окон не было, а если бы и были, в них все равно не удалось бы разглядеть ничего, кроме каменного свода, проносающегося в трех сантиметрах от стенки вагона. Вместо окон устанавливали широкие экраны и крутили на них рекламу развлечений, сообщения о политических скандалах на внутренних планетах либо предлагали спустить недельное жалование в казино, уверяя, что жизнь от этого станет гораздо насыщеннее. Миллер рассеянно следил за игрой ярких цветов, игнорируя содержание. Мысленно

он разглядывал свою проблему, поворачивал так и эдак, не пытаясь пока найти решения.

Простое упражнение для мозгов. Рассматривайте факты без оценок. Хэвлок землянин. Хэвлок снова отправился в портовый бар и нарывается на драку. Хэвлок его партнер. Утверждение за утверждением, факт за фактом, ячейка за ячейкой. Он не пытался выстроить их по порядку или связать в повествование: все это придет позже. Пока хватит того, что дневные дела вымывались из памяти, позволяя подготовиться к возникшей ситуации. К тому времени, когда «труба» подошла к станции, он успел сконцентрироваться. Это как будто становишься на всю ступню – объяснял он в те времена, когда еще пытался кому-то что-то объяснить.

В «Голубой Лягушке» была толпа, жар тел накладывался на температуру лже-Мумбаи и искусственно загрязненный воздух. Мерцание и переливы огней могли довести до эпилептического припадка. Музыка тараном пробивала воздух, каждый удар отдавался в теле. Хасини, стоя рядом с компанией накачанных стероидами вышибал и полуголых официанток, поймал взгляд Миллера и кивнул в глубину зала. Миллер не ответил на кивок, а просто повернулся и стал пробиваться сквозь толпу.

В портовых барах драка может вспыхнуть в любой момент. Миллер, как мог, старался никого не задеть. Если приходилось выбирать, он предпочитал толкнуть астера, а не внутряка, женщину, а не мужчину. На его лице застыла маска сдержанного извинения.

Хэвлок сидел один, обхватив мясистыми пальцами граненый стакан. Когда Миллер пристроился рядом, он обернулся, заранее готовый услышать оскорбление, раздув ноздри и расширив глаза. Потом до него дошло, и землянин виновато насупился.

– Миллер, – сказал он. В наружном туннеле это был бы крик, но здесь голос едва доносился до соседнего места. – Что ты тут делаешь?

– В норе скучно, – сказал Миллер, – подумал вот, не затеять ли драку.

– Ночь подходящая, – отозвался Хэвлок.

И правда. Даже в барах, обслуживающих внутряков, земляне и марсиане обычно попадались один к десяти. Присмотревшись к толпе, Миллер обнаружил, что низкорослые коренастые мужчины и женщины составляют добрую треть.

– Корабль пришел? – спросил он. Корабли флота Коалиции Земля – Марс часто заходили на Цереру по пути к Сатурну, Юпитеру и станциям Пояса, но Миллер не следил за относительным расположением планет и не знал, какая орбита сейчас удобнее. Хэвлок покачал головой.

– Охрану корпорации переводят на Эрос, – сказал он. – Кажется, «Протогена».

Рядом с Миллером возникла официантка: по ее коже змеились татуировки, зубы светились в ультрафиолете. Миллер взял предложенный напиток, хоть и не делал заказа. Содовая вода.

– Знаешь, – сказал Миллер, склонившись к партнеру, чтобы не повышать голоса, – сколько бы ты ни напинал им задниц, Шаддид не станет лучше думать о тебе.

Хэвлок резко обернулся к нему, сквозь злость в его глазах просматривались стыд и боль.

– Правда, – добавил Миллер.

Хэвлок рывком поднялся на ноги и направился к выходу. Он хотел уйти, тяжело топая, но его подвела центробежная гравитация Цереры и выпивка – выглядело это так, будто он шагает вприпрыжку. Миллер со стаканом в руке скользил между людьми у него в кильватере, улыбка и извиняющимися жестами успокаивая задетых партнером.

С грязными, засаленными стенами припортовых общих туннелей не справлялись ни компрессионная очистка, ни реагенты. Хэвлок шел, ссутулившись, поджав губы, излучая жаркую злость. Однако двери «Голубой Лягушки» уже закрылись за ними, переборка отрезала музыку, словно кто-то нажал глушитель. Основная угроза миновала.

– Я не пьян, – чересчур громко произнес Хэвлок.

– Я этого и не говорил.

– А ты... – Хэвлок обернулся и уставил палец в грудь Миллеру. – Ты мне не нянька.

– И то верно.

Они вместе прошли, может, четверть километра. Завлекающе мигали яркие светодиодные вывески. Бордели и тирры, кафе и поэтические клубы, казино и показательные бои. Пахло мочой и остывшей едой.

Хэвлок замедлил шаг, плечи отлепились от ушей.

– Я работал в убийном отделе в Территауне, – сказал он. – Три года в «проституции и наркотиках» на L-5. Ты хоть представляешь, каково это? Там торговали детьми, а мы с еще двумя парнями это прекратили. Я хороший коп.

– Да, хороший.

– Я чертовски хорош.

– Верно.

Они миновали ресторанчик, где подавали лапшу. Дешевый отель с комнатками-гробами. Публичный терминал, по экрану которого пробежали свежие новости: «Вирус в аппаратуре связи на научной станции Феба. Казино Нью-Андреаса – выигрыш 6 миллиардов долларов за 4 часа. Не торгуйте с Марсом. Контракт Пояс – Титан...» Экраны светились в глазах Хэвлока, но смотрел он мимо них.

– Я чертовски хороший коп, – повторил он и, чуть помолчав, прибавил: – Что за фигня?

– Дело не в тебе, – сказал Миллер. – Люди видят в тебе не копошного копа Дмитрия Хэвлока. Они видят в тебе Землю.

– Чушь собачья. Я восемь лет провел на орбитальных станциях и на Марсе. Я на Земле в общей сложности прослужил не больше полугода.

– Земля или Марс – все едино, – сказал Миллер.

– Скажи это марсианину, – с горечью рассмеялся Хэвлок. – Вот тут-то тебе напинаят задницу.

– Я не о том... Слушай, я уверен, различий хватает. Земля ненавидит Марс, потому что у него флот лучше. Марс ненавидит Землю, потому что у нее флот больше. Может, при полной гравитации удобнее играть в футбол – или нет. Не знаю. Я просто говорю, что здесь, так далеко от Солнца, всем наплевать. С такого расстояния и Землю, и Марс можно накрыть одним пальцем. А ты...

– А я нездешний, – сказал Хэвлок.

У них за спиной открылась дверь бара, вышли четверо астеров в серо-зеленой форме. У одного на рукаве виднелась нашивка с рассеченным кругом АВП. Миллер напрягся, но астеры свернули в другую сторону, а Хэвлок их не заметил. Пронесло.

– Я знаю, – продолжал говорить Хэвлок. – Подписывая контракт со «Звездной Осью», я отдавал себе отчет, что вписаться будет нелегко. Понимаешь, я думал, всюду одно и то же. Когда приходишь, тебя какое-то время чураются. Потом видят, что справляешься, и принимают в команду. Но здесь не так.

– Не так, – сказал Миллер.

Хэвлок покачал головой, плюнул и уставился на стакан в руке.

– Похоже, мы украли посуду из «Голубой Лягушки», – сказал он.

– И к тому же находимся в общем коридоре с алкоголем в открытой таре, – добавил Миллер. – Во всяком случае, ты. У меня содовая.

Хэвлок хихикнул, но в смешке сквозило отчаяние. Когда он снова заговорил, в голосе была тоска.

– Ты думаешь, я сюда хожу и нарываюсь на драку с народом с внутренних планет, чтобы Шаддид, Рамачандра и прочие обо мне лучше думали?

– Мне это приходило в голову.

– Ошибаешься, – сказал Хэвлок.

– Пусть так, – согласился Миллер. Он знал, что не ошибается.

Хэвлок поднял стакан.

– Отнесем обратно?

– Как насчет «Редкого Гиацинта»? – предложил Миллер. – Я угощаю.

Салон «Редкий Гиацинт» располагался тремя уровнями выше – достаточно далеко от порта, вне пешей доступности. И обслуживал полицейских. В основном охрану «Звездной Оси», но и службы корпораций поменьше тоже – «Протогена», «Пинквотера», «Аль-Аббика». Миллер был больше чем наполовину уверен, что партнер спустил пар и взрыва уже не последует, но если он ошибся, лучше пусть кругом окажутся свои.

Декор здесь был чисто астерский – складные столы, как на старых кораблях, стулья, прикрепленные к стенам и потолку, словно гравитацию могут отключить в любой момент. Вдоль стен тянулись вьющиеся стебли, чертов плющ, – система восстановления воздуха первого поколения. Растения обвивали и расположенные тут и там в зале колонны. Тихая музыка не мешала разговору, но позволяла беседовать, не опасаясь чужих ушей. Первый владелец, инженер-строитель Лавьер Лю, перевелся на Цереру с Тихо во времена великой раскрутки и решил остаться. Теперь здесь хозяйничали его внуки. Лавьер Третий стоял за стойкой, беседуя сразу с половиной отряда по борьбе с проституцией и эксплуатацией малолетних. Миллер провел партнера к дальнему столику, кивая на ходу знакомым. В «Голубой Лягушке» он вел себя осторожно и дипломатично, здесь держался с показной мужественностью. И то и другое было позой.

– Итак, – заговорил Хэвлок, когда дочка Лавьера, Кейт, – четвертое поколение в том же баре – отошла от столика, – что за сверхсекретное частное расследование поручила тебе Шаддид? Или подлему землянину знать не положено?

– Вот что тебя гложет? – спросил Миллер. – Это же ерунда. Какой-то акционер хватился дочки и хочет, чтобы я ее выследил и отправил домой. Плевое дельце.

– Вроде бы это скорее их дело. – Хэвлок кивнул на ребят из П/Э возле стойки.

– Детка уже не маленькая, – объяснил Миллер. – Это работа с похищением.

– А ты такое умеешь?

Миллер выпрямился. Плющ над ними заколыхался. Хэвлок ждал, и у Миллера возникло неприятное чувство, что они поменялись местами.

– Это моя работа, – сказал Миллер.

– Да, только ведь речь идет о взрослом человеке, нет? И не то чтобы ей что-то мешало вернуться домой, если ей не нравится там, где она сейчас есть. А ее родители нанимают службу безопасности, чтобы доставить девчонку домой, хочет она того или нет. Это уже не поддержание законности. И даже не вопрос безопасности станции. Это просто применение силы незадачливыми родителями.

Миллеру вспомнилась девушка перед гоночной шлюпкой. И ее широкая улыбка.

– Говорю же, ерундовое дело.

Кейт Лю вернулась с пивом и стаканом виски на подносике. Миллер с радостью прервал разговор. Пиво было для него. Светлое, насыщенное, с легчайшим горьковатым привкусом. Там, где экология держится на дрожжах и ферментах, пивоварение процветает.

Хэвлок мучил свой виски. Миллер увидел в этом знак, что он остыл. Срываться среди сослуживцев было сомнительным удовольствием.

– Эй, Миллер, Хэвлок! – произнес знакомый голос. Евгений Кобб из отдела убийств. Миллер махнул ему, и разговор свернул на бахвальство убойного, раскрывшего особенно мерзкое дело. Три месяца поисков источника токсинов завершились тем, что жена трупа¹ получила полную страховку, а нелегальную шлюху депортировали обратно на Эрос.

К утру Хэвлок смеялся и перешучивался наравне с остальными. Если на него кто-то косился или отпускал шпильку, он принимал это спокойно.

Ручной терминал Миллера звякнул, когда он шел к стойке. И одновременно по всему бару раздалось еще с полсотни звонков. Миллер, чувствуя, как затягивается узел у него в животе, открыл, как и остальные агенты, свой терминал.

На экране общей связи появилась капитан Шаддид. В ее глазах читалась сдержанная ярость – она казалась образцовой иллюстрацией женщины, которой не дали выспаться.

– Леди и джентльмены, – сказала она, – чем бы вы ни занимались, бросайте все и возвращайтесь на свои участки в срочном порядке. Чрезвычайное положение. Десять минут назад со стороны Сатурна поступило незашифрованное сообщение. Мы еще не проверили его подлинность, но подпись в порядке. Я его закрыла, но следует ожидать, что какой-нибудь мудака выпустит его в сеть, а через пять минут после этого из вентилятора полетит дерьмо. Те, кого могут слышать штатские, сейчас же отключитесь. Для остальных – вот с чем мы столкнулись.

Шаддид отодвинулась в сторону и постучала по интерфейсу своей системы. Через секунду на нем появились лицо и плечи мужчины в оранжевом вакуумном скафандре без шлема. Землянин, немного за тридцать. Бледная кожа, голубые глаза, короткая стрижка. Он еще не открыл рот, а Миллер уже распознал в его глазах, в наклоне выставленной вперед головы признаки потрясения и ярости.

– Меня, – сказал мужчина, – зовут Джеймс Холден.

¹ «Жена трупа» вместо «вдова» – шутка в адрес полицейского канцелярита.

Глава 5 Холден

Через десять минут на двух *g* у Холдена начинала болеть голова. Но Макдауэлл спешно звал их домой. «Кентербери» разогревал тяжелые двигатели. Холден не хотел опоздать.

- *Джим. Кажется, у нас здесь проблема.*
- *Расскажите.*
- *Бекка что-то обнаружила, и такое чудное, что у меня мурашки по яйцам бегают. Убираемся отсюда к черту.*

– Алекс, долго еще? – в третий раз за десять минут спросил Холден.

– Больше часа добираться. Хочешь прокатиться на «соке»? – поинтересовался Алекс.

«Ходом на соке» пилоты называли высокое ускорение, при котором человек в обычном состоянии теряет сознание от перегрузок. «Сок» – медикаментозный коктейль – впрыскивался пилотским креслом, позволяя человеку сохранить сознание и бодрость и, возможно, избежать инсульта, когда тело весит пятьсот кило. Холден, служа на флоте, не раз пробовал «сок», и отходняк всегда бывал мерзким.

– Нет, пока можно обойтись, – сказал он.

- *В чем странность?*
- *Бекка, подключи его. Джим, я хочу, чтобы ты увидел то же, что и мы.*

Холден сунул под язык болеутоляющую таблетку из аптечки шлема и в пятый раз запустил запись с сенсоров Бекки. Участок пространства находился в двухстах тысячах километров от «Кентерберри». Сканеры «Кента» обнаружили флюктуацию, ложный черно-серый цвет, постепенно проявляющий тепловую границу. Крошечное температурное отклонение, меньше двух градусов. Холден не представлял, как Бекка его высмотрела. Он сделал в уме заметку: дать ей блестящую рекомендацию, когда она в следующий раз пойдет на повышение.

– Откуда это? – спросил Холден.

– Не представляю. Просто место чуть теплее фона, – ответила Бекка. – Я бы сказала, газовое облако, потому что радар на него не реагирует, но газовым облакам здесь взяться неоткуда. Действительно, откуда бы?

– Джим, а не могло быть так, что «Скопули» прикончил корабль, который на него напал? Это, случайно, не облако пара от уничтоженного корабля? – спросил Макдауэлл.

– Не думаю, сэр. «Скопули» был совершенно безоружен. Дыра в боку проделана взрывным зарядом, а не торпедой, так что не похоже, чтобы он оборонялся. Может быть, там испустил дух сам «Скопули», но...

– А может быть, и нет. Возвращайтесь в стойло, Джим. Сейчас же.

– Наоми, что может постепенно разогреваться, не отражаясь на радаре и ладаре? Так, навскидку? – спросил Холден.

– Хм! – протянула Наоми, размышляя. – Эха не даст все, что угодно, если оно поглощает энергию сенсорных импульсов. И оно может разогреться, поглощая эту энергию.

Инфракрасный монитор на экране у кресла Холдена вспыхнул как солнце. Алекс громко выругался по общей связи.

– Видали? – спросил он.

Холден, не отвечая, открыл канал связи с капитаном.

– Кэп, мы только что отметили чрезвычайно яркую инфракрасную вспышку.

Долгую секунду ответа не было. Когда Макдауэлл отозвался, казалось, у него перехватило горло. Холден впервые слышал в голосе старика страх.

– Джим, из того нагретого участка проявился корабль. Он излучает тепло как сам черт, – сказал Макдауэлл. – Из какой дыры он вылез?

Холден начал было отвечать, но в наушниках раздался слабый голос Ребекки по каналу капитана.

– Понятия не имею, сэр. Но он меньше своего теплового следа. Фрегат, судя по радару.

– И что это? – спросил Макдауэлл. – Невидимка? Телепортация через волшебную червоточину?

– Сэр, – вмешался Холден, – Наоми предполагает, что тепло, которое мы уловили, исходило от поглощающего энергию материала. Маскировочная обшивка. То есть этот корабль прятался специально. И значит, с недобрыми намерениями.

Словно отвечая ему, на радаре проявились еще шесть объектов, засветились желтыми иконками и сразу сменились оранжевыми: система отметила их ускорение. Ребекка на «Кентербери» вскрикнула:

– Разгоняются. Шесть высокоскоростных объектов на пересекающемся курсе.

– Иисус Христос на палочке, они что, торпедами в нас пальнули? – процедил Макдауэлл. – Хотят прихлопнуть?

– Да, сэр, – сказала Ребекка.

– Время контакта?

– Чуть меньше восьми минут, сэр.

Макдауэлл негромко выругался.

– Мы нарвались на пиратов, Джим.

– А что делать нам? – Холден старался выдержать спокойный профессиональный тон.

– Убирайтесь со связи, не мешайте моей команде работать. Вам до нас не меньше часа. Торпедам – восемь минут. Макдауэлл, конец связи, – сказал капитан. Рация щелкнула, отключаясь, и Холден остался слушать шуршание помех.

Общая связь взорвалась голосами. Алекс требовал идти на «соке» и обогнать торпеды, Наоми бормотала что-то насчет стратегии отражения удара, Амос проклинал корабль-невидимку и перебирал предков его команды. Только Шед ничего не говорил.

– Всем заткнуться! – рявкнул в микрофон Холден. Воцарилось потрясенное молчание. – Алекс, рассчитай самый быстрый курс к «Кенту», при котором мы останемся живы. Скажи, когда будешь готов. Наоми, установи трехканальную связь: ты, я и Ребекка. Поможем, чем сумеем. Амос, можешь ругаться, но микрофон отключи.

Он ждал. Часы отсчитывали секунды до столкновения.

– Есть связь, – сказала Наоми. Холден явственно различил в наушниках два набора фоновых шумов.

– Бекка, это Джим. Наоми тоже нас слышит. Скажи, чем мы можем помочь. Наоми говорила что-то о перехвате.

– Я делаю все, что умею, – с поразительным спокойствием отозвалась Ребекка. – Они запытали нас прицельным лазером. Я даю в эфир помехи, чтоб его сбить, но эта дрянь у них очень, очень хороша. Будь мы чуть ближе, лазер уже выжжет бы дырку у нас в борту.

– А если выбросить что-нибудь материальное, чтобы дать «снег» на экране? – предложила Наоми.

Пока они переговаривались с Беккой, Джим открыл связь с Адой.

– Эй, это Джим. Я велел Алексу рассчитать скоростной курс, чтобы мы успели к вам, прежде...

– Прежде чем их снаряды превратят нас в летающий кирпич? Неплохая мысль. Не упускать же такое приключение – плен у пиратов. – В голосе Ады за насмешкой скрывался страх.

– Ада, пожалуйста, я хотел сказать...

– Джим, что ты думаешь? – позвала по другому каналу Наоми.

Холден ругнулся и поспешно переспросил:

– О чем?

– Насчет того, чтобы «Рыцарь» попробовал оттянуть эти торпеды?

– А получится?

– Может быть. Ты что, совсем не слушал?

– Э... отвлекся тут на минуту. Объясни еще раз, – попросил Холден.

– Мы попробуем подобрать ту же частоту светового эха, что у «Кента», и дадим в эфир по своей рации. Может быть, торпеды примут нас за свою цель, – разъяснила Наоми, словно обращаясь к ребенку.

– И тогда они взорвут нас?

– Я думаю, мы сбежим и утянем торпеды за собой. Потом, когда они уже минуют «Кент», выключим рацию и попробуем укрыться за астероидом, – сказала Наоми.

– Не пройдет, – вздохнул Холден. – Общий курс они держат по лазерному прицелу, но видят цель и в телескоп. Им стоит только взглянуть на нас, чтобы понять, что мы – не то, что им нужно.

– Но попробовать-то стоит?

– Даже если бы получилось, торпеды, должные обездвижить «Кент», нас превратят в грязный клочок вакуума.

– Ладно, – согласилась Наоми. – Что у нас еще?

– Ничего. Умники из флотских лабораторий уже предусмотрели все, что мы сумели бы выдумать за ближайшие восемь минут, – сказал Холден. Произнести это вслух означало признать и про себя.

– Так что нам делать, Джим? – спросила Наоми.

– Семь минут, – с жутким спокойствием напомнила Бекка.

– Идем туда. Может, сумеем подобрать людей после удара. Поможем справиться с повреждениями, – сказал Холден. – Алекс, курс есть?

– Роджер, мастер. Скакнем прямо туда. Подойдем под углом, чтобы наши маневровые не прожгли дырку в «Кенте». Ну, пляшем? – отозвался Алекс.

– Да. Наоми, всем пристегнуться для перегрузки, – приказал Холден и перешел на связь с Макдауэллом. – Капитан, мы разводим пары. Постарайтесь продержаться, «Рыцарь» скоро будет, подберет вас или поможет устранить повреждения.

– Роджер, – отозвался Макдауэлл и вырубил связь.

Холден снова открыл канал Ады.

– Ада, мы пойдем на больших g, так что говорить я не смогу, но оставь мне этот канал открытым, а? Рассказывай, что происходит. Да хоть мычи что-нибудь. Вполне сойдет. Мне просто нужно слышать, что ты в порядке.

– Хорошо, Джим. – Мычать Ада не стала, но канал оставила открытым. Он слышал ее дыхание.

Алекс начал отсчет по общей связи. Холден проверил крепления амортизатора и накрыл ладонью кнопку подачи «сока». Дюжина иголок вонзилась в спину сквозь мембраны скафандра. Сердце затрепыхалось, стальные ленты химии сжали мозг. По позвоночнику потек смертельный холод, лицо загорелось, как от лучевого ожога. Он врезал кулаком по подлокотнику. Он терпеть не мог этой стадии, но следующая была еще хуже. Алекс завопил по общей связи – наркотики пропитывали и его организм. Тем, кто находился в нижнем отсеке, досталась смесь, которая, не позволяя умереть, вводила в сон.

– Один, – произнес Алекс, и Холден стал весить пятьсот кило. Нервы в глазницах завопили под грузом глазных яблок, мошонка давила на бедра. Он сосредоточился на том, чтобы не проглотить язык. Вокруг стонал и трещал корабль. На нижней палубе что-то подозрительно гроыхнуло, но красных огоньков на панели не появилось. Реактивные двигатели «Рыцаря» могли развить большую тягу, хоть и выжигали при этом непозволительно много горючего. Но если они успеют спасти «Кент», тогда все ерунда.

Сквозь стук собственной крови в ушах Холден слышал тихое дыхание Ады и щелчки ее клавиатуры. Хотелось бы ему уснуть

под эти звуки, но «сок» в крови звенел и горел – он был бодр как никогда.

– Да, сэр, – сказала по рации Ада. Только спустя секунду Холден понял, что она обращается к Макдауэллу, и прибавил звук, чтобы слышать голос капитана.

– ...Главные на полную мощность.

– Мы идем с полным грузом, сэр. На такой тяге сорвем двигатели, – ответила Ада. Должно быть, Макдауэлл просил ее включить эшштейн.

– Мистер¹ Тукунбо, – сказал Макдауэлл. – У нас осталось... четыре минуты. Если сорвете, я не стану предъявлять вам счет.

– Есть, сэр. Включаю главные. Устанавливаю максимальную тягу. – За голосом Ады Холден услышал гудок тревожной sireны. И щелчки погромче – Ада пристегивалась.

– До включения главных три... две... одна... есть! – сообщила Ада.

«Кентербери» застонал так громко, что Холдену пришлось приглушить звук. Несколько секунд он стонал и выл как банши, потом раздался оглушительный грохот. Включив наружную оптику, Холден тускнеющим от перегрузки периферийным зрением увидел «Кентербери». Целый.

– Ада, это что за чертовщина? – невнятно проговорил Макдауэлл.

– Главный полетел. И отключился, – ответила Ада, проглотив «Я же говорила».

– Что это нам дало? – спросил Макдауэлл.

– Не так много. Торпеды идут на сорока в секунду и продолжают ускоряться. А мы остались на маневровых, – сказала Ада.

– Дерьмо!

– Они нас подобьют, – сказала Ада.

– Джим! – Голос Макдауэлла отчетливо прозвучал по открытому им прямому каналу. – Нас подобьют, тут уже ничего не поделаешь. Два щелчка в подтверждение.

Джим дважды щелкнул рацией.

– Ладно, теперь подумаем о тех, кто переживет попадание. Раз они хотят покалечить нас перед абордажем, значит, возьмут двигатели и аппаратуру связи. Бекка передавала SOS с момента пуска торпед, но если мы замолчим, продолжай вопить ты. Если они поймут, что ты рядом, призадумаются, стоит ли выбрасывать команду из шлюза. Свидетели, знаешь ли.

Холден дал два щелчка.

¹ Как и с обращением «сэр», это, очевидно, дань политкорректности или суетерии, что женщина на корабле – дурная примета.

– Поворачивай, Джим. Прячься за астероидом. Зови на помощь. Приказ.

Холден щелкнул дважды и передал Алексу распоряжение глушить двигатели. Тяжесть тотчас же отпустила его грудь, сменившись невесомостью. Не будь в его венах противорвотных средств, его бы вытошнило от внезапности перехода.

– Что такое? – спросил Алекс.

– Новое задание. – У Холдена от «сока» стучали зубы. – Мы зовем на помощь и ведем переговоры об освобождении пленных после захвата «Кента». Гони обратно к астероиду, это ближайшее укрытие.

– Роджер, босс, – сказал Алекс и добавил, понизив голос: – Убить готов за пару «труб» или хорошую рельсовую пушку¹ вдоль кила.

– Слышу тебя.

– Разбудить ребят внизу?

– Пусть спят.

– Роджер, – сказал Алекс и отключился.

Пока не навалилась новая перегрузка, Холден запустил сигнал SOS. Связь с Адой осталась включенной, и теперь, когда Макдауэлл замолчал, он снова слышал ее дыхание. Дал полную громкость и откинулся в амортизаторы, ожидая, что его сейчас расплющит. Алекс не обманул ожиданий.

– Одна минута, – сказала Ада так громко, что наушники исказили звук. Холден не стал убирать звук. С завидным спокойствием она вела отсчет секунд до столкновения.

– Тридцать секунд.

Холдену отчаянно захотелось заговорить, как-то утешить ее, красноречиво и лживо заверить в любви. Гигант, наступивший ему на грудь, только смеялся низким рокотом реактивных сопел.

– Десять секунд.

– Приготовьтесь после попадания заглушить реактор и притвориться мертвыми. Они не станут снова стрелять, если не увидят в нас угрозы, – распорядился Макдауэлл.

– Пять, – сказала Ада. – Четыре. Три. Два. Один.

«Кентербери» содрогнулся, мониторы залила белая вспышка. Ада коротко вздохнула, отключившаяся рация прервала звук. Вопль помех чуть не разорвал Холдену барабанные перепонки. Он притушил громкость и перещелкнул рацию на Алекса.

Тяга внезапно упала до вполне терпимых двух g, а все корабельные сенсоры просили перезагрузки. В маленький иллюминатор воздушного шлюза врывалось слепящее сияние.

¹ Рельсовая пушка – оружие, разгоняющее снаряд электромагнитным полем вдоль рельсов-направляющих. Также называется орудием Гаусса.

– Доклад, Алекс, доклад! Что там? – крикнул Холден.

– Господи. Они его взорвали. «Кент». Атомный заряд, – тихо, не веря своим словам, проговорил Алекс.

– В каком он состоянии? Сообщи о «Кентербери». У меня здесь все сенсоры полетели. На всех экранах белый свет.

После долгой паузы Алекс отозвался.

– У меня сенсоры тоже на нуле, босс. Но о «Кентербери» могу доложить. Я его вижу.

– Видишь? Отсюда?

– Ага. Облако пара размером с гору Олимп. Ему конец, босс. Нет его больше.

«Не может быть!» – возмутился разум Холдена. Так не бывает. Пираты не торпедируют водяные баржи атомными зарядами. Это никому не нужно. Не окупается. А если кому-то взбрело в голову просто убить пятьдесят человек, явиться в ресторан с автоматом намного проще.

Ему хотелось кричать, проорать Алексу, что тот ошибся. Но приходилось держаться. «Я уже старик».

– Ладно. Новое задание, Алекс. Теперь мы – свидетели убийства. Доставь нас обратно к астероиду. Я начинаю готовить передачу. И разбуди всех. Они должны знать, – приказал Холден. – Я перезагружу пакет сенсоров.

Он методически отключил сенсоры и их программное обеспечение, выждал две минуты и включил заново. Руки тряслись. Его тошнило. Казалось, мозг управляет телом издалека, и он сам не знал, сколько здесь от «сока», а сколько от шока.

Сенсоры включились. Как все космические корабли, «Рыцарь» был снабжен антирадиационной защитой. Без нее не сунешься в окрестности массивного пояса излучения Юпитера. Однако Холден сомневался, что создатели челнока предусмотрели взрыв шести атомных зарядов в непосредственной близости. Им повезло. Даже в вакууме, защищавшем их от электромагнитного импульса, выброс излучения вполне мог пережечь все корабельные датчики.

Как только экраны включились снова, он обследовал пространство в области, где прежде находился «Кентербери». Там не осталось ничего крупнее воздушного шарика. Он переключился на корабль-убийцу, уходивший в направлении Солнца на ленивом одном *g*. В груди стало горячо.

Это был не страх. Ярость заставляла пульс биться в висках до аневризмы, а кулаки сжиматься до боли в сухожилиях. Холден включил рацию и навел узкий луч на уходящий корабль.

– Сообщение тому, кто приказал уничтожить «Кентербери», мирный гражданский ледовоз, который ты только что превратил

в газ. Тебе не уйти, кровожадный ублюдок. Мне плевать, какие ты имел на то причины, но ты убил пятьдесят моих друзей. Ты должен знать, кем они были. Передаю имена и фотографии всех находившихся на борту. Посмотри хорошенько, что ты наделал. Подумай об этом, пока мы будем тебя искать.

Он закрыл голосовой канал, вызвал файл «Кентербери» и принялся передавать досье команды на чужой корабль.

– Что ты делаешь? – спросила у него за спиной Наоми.

Она стояла прямо за его креслом, сняв шлем. Пот приклеил ко лбу и к шее ее черные волосы. Лицо казалось непроницаемым. Холден тоже снял шлем.

– Хочу показать им, что «Кентербери» был настоящим, и люди на нем были настоящие. Живые люди с именами и семьями, – сказал он. После «сока» голос звучал не так ровно, как ему хотелось бы. – Если на том корабле приказы отдает существо, хоть сколько-нибудь похожее на человека, надеюсь, их лица будут его преследовать, пока мы не отправим его в утилизатор за убийство.

– Думаю, они не оценили твоих намерений, – заметила Наоми, указывая на панель за его спиной.

Вражеский корабль запятнал их прицельным лазером. Холден затаил дыхание. Но торпеды не появились, и через несколько секунд корабль-невидимка выключил лазер, а его двигатели полыхнули, переходя на повышенное ускорение. Холден услышал, как прерывисто вздохнула Наоми.

– Стало быть, с «Кентербери» кончено? – спросила Наоми.

Холден кивнул.

– Твою дивизию! – выругался Амос.

Они с Шедом стояли у трапа. Лицо Амоса покрывали красные и белые пятна, его большие руки сжимались и разжимались. Шед упал на колени, ударив в палубу двойной тяжестью. Он не заплакал. Только взглянул на Холдена и сказал:

– Значит, не получит Кэмерон свою руку, – а потом закрыл лицо ладонями и задрожал.

– Тормози, Алекс. Спешить уже некуда, – сказала по рации Наоми. Корабль медленно перешел на одно g.

– Что дальше, капитан? – Наоми сурово смотрела на него. «Ты теперь главный. Веди себя в соответствии».

– Больше всего мне хочется взорвать их к чертовой матери, но поскольку оружия у нас нет... пойдём за ними. Проследим, узнаем, куда они направляются. Выставим их всем напоказ, – ответил Холден.

– Хорошенький план, – громко отозвался Амос.

– Амос, – бросила через плечо Наоми, – уведи Шеду вниз и положи. Если понадобится, дай снотворное.

– Слушаюсь, босс. – Амос обхватил Шеда толстой ручищей за талию и увлек за собой.

Когда они скрылись, Наоми опять повернулась к Холдену.

– Нет, сэр. Мы не погонимся за этим кораблем. Мы вызовем помощь и пойдем туда, куда нам скажут.

– Я... – начал Холден.

– Да, ты капитан. А я теперь твой старпом, и моя обязанность – сказать капитану, когда он ведет себя как идиот. Сейчас ты идиот, сэр. Этой передачей ты просто подначивал их прикончить нас. А теперь ты собрался их преследовать? И что будешь делать, если догонишь? Снова взывать к их лучшим чувствам на весь эфир? – говорила Наоми, надвигаясь на него. – Нет. Ты обязан обеспечить безопасность четырех оставшихся членов команды. И все. А когда мы будем спасены, можешь начинать свой крестовый поход. Сэр.

Холден отстегнул крепления амортизатора и встал. «Сок» по-немногу выгорал, оставляя в теле болезненную слабость. Наоми вздернула подбородок и не попятилась.

– Рад, что ты со мной, Наоми, – сказал он. – Пойди, присмотри за командой. Макдауэлл дал мне один последний приказ.

Наоми критически оглядела его: он видел недоверие в ее глазах, но не стал защищаться, просто ждал. Она коротко кивнула и спустилась по трапу на нижнюю палубу.

Когда она ушла, Холден принялся методически составлять пакет передачи, включавший все данные сенсоров «Кентербери» и «Рыцаря». Алекс, спустившись из рубки, тяжело сел в соседнее кресло.

– Знаешь, капитан, я тут подумал, – начал он. Голос у него дрожал от оставленной «соком» усталости – так же, как у Холдена.

Алекс мешал ему работать, однако Холден подавил раздражение:

– О чем?

– О том корабле-невидимке.

Холден отвернулся от клавиатуры.

– Скажи.

– Ну, я не слышал, чтобы у пиратов водилось такое дерьмо.

– Дальше?

– Собственно, такую технику я видел только на флоте – когда служил, – сказал Алекс. – Мы разрабатывали корабль с энергопоглощающей обшивкой и внутренними теплоуловителями. Это скорее стратегическое оружие, чем тактическое. Работающий двигатель не спрячешь, но можно выйти на позицию, заглушить тягу, запастись внутри весь излишек тепла и очень прилично спрятаться. Добавь к этому энергопоглощающую обшивку, и тебя не поймут

ни радар, ни ладар, ни пассивные сенсоры. Да и торпеды с атомными головками трудно раздобыть, не обращаясь к военным.

– Ты хочешь сказать, это сделал марсианский флот?

Алекс протяжно, со всхлипом вздохнул.

– Ты ж понимаешь, если над этим работали мы, значит, земляне тоже, – произнес он.

Они усталились друг на друга через узкий проход. Сказанное давило тяжелее десяти *g*. Холден вытащил из кармашка скафандра передатчик с аккумулятором, подобранный на «Скопули», и принялся разбирать на части, ища фабричную марку. Алекс в кои-то веки молчал, наблюдая. Передатчик оказался безликим – такой можно найти в любой радиорубке на любом корабле Солнечной системы. Аккумулятор – неприметный серый блок. Алекс протянул руку, и Холден отдал ему аккумулятор. Алекс содрал серую пластиковую крышку и вытряхнул на руку батареи. Ни слова не сказав, развернул донцем к Холдену. На черном металле был оттиснут серийный номер, а перед ним буквы – «ФМРК».

Флот Марсианской Республики Конгресса.

Он включил рацию на полную мощность. Пакеты данных были готовы к передаче. Холден встал перед камерой, чуть подавшись вперед.

– Меня зовут Джеймс Холден, – заговорил он, – и мой корабль, «Кентербери», только что был уничтожен военным кораблем, снабженным маскировочной техникой и с серийными номерами Марсианского флота на отдельных частях. Передаю данные.

Глава 6 Миллер

Карт неся по туннелю, заглушая сиреной визг мотора. Позади оставались удивленные штатские и запах перегретых шин.

Миллер всем телом подался вперед, будто подгоняя тележку. До станции оставалось три уровня – около четырех километров.

– Ладно, – заговорил Хэвлок. – Извини, но мне кое-что непонятно.

– Что? – спросил Миллер. Он имел в виду: «Что ты орешь?» Хэвлок понял его как: «Что непонятно?»

– Превратили в пар ледовоз в миллионах кэмэ отсюда. С какой стати поднимать нас по тревоге? Запаса в наших цистернах хватит на несколько месяцев даже без перехода на пайки. И это не последний ледовоз. Откуда кризис?

Миллер обернулся и в упор взглянул на напарника. Маленький, коренастый. Толстые кости – результат детства, проведенного в полной гравитации. Дырка от задницы! Им не понять. Хэвлок оказался бы на месте этого Джеймса Холдена таким же тупым, безответственным идиотом. На секунду они перестали быть сослуживцами. И напарниками. Астер против землянина. Миллер отвел взгляд прежде, чем Хэвлок сумел заметить перемену.

– Этот хрен Холден. Тот, что вел передачу, – сказал Миллер. – Он только что объявил за нас войну Марсу.

Карт вильнул и качнулся: встроенный компьютер реагировал на заминку в дорожном движении в полукилометре впереди. Хэвлок ухватился за опорное крепление. Они проскочили пандус на следующий уровень, пешеходы-штатские уступали им дорогу.

– Там, где ты вырос, вода, пусть и грязная, падает с неба, – сказал Миллер. – Воздух паршивый, но он не уходит, если пропорота дверная перепонка. Здесь у нас иначе.

– Но мы ведь не на барже. Нам не нужен лед. Нам ничто не грозит, – возразил Хэвлок.

Миллер вздохнул и потер глаза кулаком. Под веками расцвели яркие пятна.

– Когда я служил в убойном, – заговорил он, – был такой парень, инженер-контролер, работавший по контракту с лунной компанией. Кто-то сжег ему половину тела и выкинул из шлюза. Оказалось, он отвечал за состояние шестидесяти нор на тридцатом уровне. В трех появилась плесень. Знаешь, что мы после этого обнаружили?

– Что? – спросил Холден.

– Да ни черта мы не обнаружили. Потому что перестали искать. Случаются люди, которых надо убить, – и он был из таких. А тот, кто пришел на его место, вовремя чистил воздуховоды и менял фильтры. Вот оно как в Поясе. Всякий, кто зайвится сюда и не научится ставить систему жизнеобеспечения выше всего на свете, умрет молодым. Все, кто здесь остался, понимают.

– Эффект отбора? – спросил Хэвлок. – Ты серьезно – голосуешь за естественный отбор? Вот уж не думал услышать этот бред от тебя.

– Это ты о чем?

– О дерьмовой расистской пропаганде, – объяснил Хэвлок. – Есть такие: говорят, будто разница в условиях жизни так изменила астеров, что они уже не просто компания тощих педантов-маньяков, а вообще не люди.

– Я этого не говорю, – сказал Миллер, подозревая, что именно это и сказал. – Просто астеры теряют широту кругозора, когда речь идет об основных ресурсах. Та вода для нас – будущий воздух, масса вращения и питье. В таких случаях у нас отказывает чувство юмора.

Карт въехал на решетчатый металлический пандус. Нижние уровни остались позади. Хэвлок молчал.

– Холден ведь не сказал, что это был Марс. Они всего лишь нашли марсианские батарейки. Думаешь, люди... объявят войну? – пробормотал он. – Просто из-за того, что один парень прислал снимок батареек?

– Те, кто готов подождать окончания истории, нас не беспокоят.

«Во всяком случае, не этой ночью, – подумал он. – Узнав историю целиком, мы пойдем, во что вляпались».

Станция наполнилась больше чем наполовину, но меньше чем на три четверти. Безопасники стояли группками, кивая друг другу, прищурившись, стиснув челюсти. Один из отдела П/Э над чем-то смялся, от шумного натужного веселья разило страхом. Миллер заметил, как переменялся в лице Хэвлок, пока они пробирались через общие залы к своим столам. Реакцию Миллера он мог еще

приписать его личной склонности к перестраховке. Но тут целый зал. Целая станция. К тому времени, как они добрались до своих мест, глаза у Хэвлока стали совсем круглыми.

Вошла капитан Шаддид. Она ничуть не казалась сонной. Волосы подобраны, форма в идеальном порядке, голос спокоен, как у хирурга в полевом госпитале. Она остановилась у первого попавшегося стола, превратив его в импровизированную кафедру.

– Леди и джентльмены, – заговорила она. – Передачу вы видели. Есть вопросы?

– Кто подпустил к рации этого клятого землянина? – выкрикнул кто-то. Миллер видел, что Хэвлок смеется вместе со всеми, но глаза его не отозвались на шутку. Шаддид поморщилась, и народ притих.

– Таково положение, – сказала она. – Контролировать информацию мы не в состоянии. Эфир приняли все. Пять сайтов внутренней сети уже перепостили передачу, и мы вынуждены считать, что десять минут назад она стала общим достоянием. Наша работа – свести беспорядки к минимуму и обеспечить целостность станции в припортовых районах. Власти порта дали разрешение на вылет всем кораблям с регистрацией внутренних планет. Что не означает, что все они ушли. Им еще надо собрать команды. Но они уходят.

– Правительственные учреждения? – довольно громко спросил Миллер.

– Слава богу, не наша проблема, – ответила Шаддид. – Их инфраструктуры работают. Защитные переборки уже опущены и запечатаны. Они отделены от основной системы жизнеобеспечения, так что мы сейчас даже дышим не одним воздухом с ними.

– Какое облегчение, – бросил Евгений из кучки убийщиков.

– Теперь о дурных новостях, – продолжала Шаддид. Миллер услышал, как сто пятьдесят копов затаили дыхание. – У нас на станции восемьдесят выявленных агентов АВП. Все работают, живут легально, и, как вы понимаете, именно такого поворота они и дожидались. Губернатор приказал воздерживаться от профилактических акций. Никого не арестовываем, пока он не проявит себя.

Раздался дружный хор недовольства.

– Кем он себя воображает? – выкрикнул кто-то из задних рядов. Шаддид набросилась на говорившего, как акула.

– Губернатор – человек, который нанял нас поддерживать станцию в рабочем состоянии. Мы будем следовать его директивам.

Краем глаза Миллер видел, как кивает Хэвлок. И задумался, каково мнение губернатора о проблеме независимости астеров. Возможно, не только АВП дожидался подходящего случая. Шаддид продолжала говорить, обрисовывая зоны ответственно-

сти службы. Миллер слушал вполуха и так погрузился в размышления о политических последствиях ситуации, что чуть не пропустил свое имя, названное Шаддид.

– Миллер со второй группой на портовый уровень, прикрывает сектора тринадцать – двадцать четыре. Касагава, третья группа, сектора двадцать пять – тридцать шесть, и так далее. Каждый берет двадцать человек, кроме Миллера.

– Я справлюсь и с девятнадцатью, – отозвался Миллер и шепнул Хэвлоку: – Ты пересидишь это дело здесь, напарник. Вооруженный землянин там совсем ни к чему.

– Угу, – буркнул Хэвлок. – Так и знал, что к тому идет.

– Ладно, – закончила Шаддид. – Все знают свои обязанности.

Выходим.

Миллер собрал свою группу предотвращения беспорядков. Все знакомые лица, эти мужчины и женщины много лет служили в охране. Он почти машинально перебирал и расставлял их в уме. Браун и Гельбфиш имеют опыт службы в штурмовом отряде. Их на фланги, если придется сдерживать толпу. У Аберфорт, с тех пор как ее сына посадили за наркотики на Ганимеде, было два выговора за превышение полномочий – ее во вторую линию. Спустит пар в другой раз. По всей станции слышались голоса старших групп, принимающих похожие решения.

– Хорошо, – сказал Миллер, – давайте вооружаться.

Они вышли все вместе, направляясь к отсеку снаряжения. Миллер задержался. Хэвлок сидел, облокотившись на стол, сложив руки и уставившись в пространство перед собой. Миллер разрывался между сочувствием к нему и раздражением. Тяжело быть в команде, если она тебя не принимает. С другой стороны, а какого черта он ждал, подписывая контракт на Пояс?

Хэвлок поднял голову и встретил взгляд Миллера. Они кивнули друг другу. Миллер отвернулся первым.

Отсек снаряжения был чем-то средним между складом-оружейной и банковским сейфом: тот, кто его проектировал, больше думал о надежности, чем об удобствах. Освещение – слабые светодиодные лампы – придавало серым стенам оттенок стерильности. Голый камень гулко отзывался на голоса и шаги. Склад амуниции и оружия, пакеты для улик и тестовые панели, запасные серверы и униформа, расставленные и разложенные вдоль стен, занимали большую часть пространства. Снаряжение для разгона толпы хранилось в боковой комнатке в серых стальных шкафах с электронными замками повышенной надежности. Стандартный набор включал пластиковые щиты, электрические дубинки, набедренники, пуленепробиваемые нагрудники и наколенники, шлемы с укрепленными щитками-забралами – все это превра-

щало горстку охранников станции в устрашающую, нечеловеческую силу.

Миллер набрал шифр. Запор сработал, дверца открылась.

– Ну, – почти спокойно выговорил Миллер, – чтоб меня.

Шкафы были пусты: серые гробы, оставшиеся без трупов. От противоположной стены послышались яростные вопли другой группы. Миллер стал открывать все шкафы. Везде было одно и то же. Рядом возникла белая от ярости Шаддид.

– Что у нас в плане «Б»? – осведомился Миллер.

Шаддид плюнула на пол и закрыла глаза. Глазные яблоки двигались под веками, словно она видела сон. Два долгих вздоха спустился глаза открылись.

– Проверьте шкафы штурмовиков. Там должно хватить на двоих из каждой группы.

– Снайперы? – спросил Миллер.

– Можете предложить что-нибудь лучше, детектив?

Миллер беспомощно развел руками. Экипировка отрядов по сдерживанию толпы должна была устрашать и подавлять. Экипировка штурмового отряда позволяла наиболее эффективно убивать. Кажется, их полномочия только что изменились.

Порт Цереры ежедневно принимал до тысячи кораблей, движение здесь редко затухало и никогда не прекращалось. Каждый сектор вмещал два десятка кораблей, пропускал пассажиров и грузы, транспортные фуры, краны и подъемники – а команда Миллера отвечала за двенадцать секторов.

Воздух провонял антифризом и смазкой. Гравитация едва превышала 0,3 g, само вращение станции делало эти места опасными и мрачными. Миллер не любил порт. Его нервировало ощущение вакуума под самыми ногами. Расходясь с портовыми рабочими и транспортниками, он не знал, то ли улыбаться, то ли угрожающе скалиться. Его обязанностью было внушить людям страх и повиновение и в то же время уверить, что все под контролем. Пройдя три сектора, он сделал выбор в пользу улыбки. Этот вид лжи давался ему лучше.

От перехода между секторами девятнадцать и двадцать они услышали вопли. Миллер достал из кармана ручной терминал, подключенный к централизованной сети наблюдения, и вызвал изображение с полицейской камеры слежения. Через несколько секунд он нашел то, что искал: толпа из пяти или шести десятков штатских растянулась по всему туннелю, перекрыв движение в обе стороны. Над головами мелькало оружие. Ножи, дубинки.

По меньшей мере два пистолета. Многие размахивали кулаками. В самой гуще толпы крупный, голый до пояса мужчина избивал кого-то смертным боем.

– Время пошло, – сказал Миллер, махнув своим вперед.

До поворота, за которым начинался бурлящий насилием человеческий клубок, оставалось еще сто метров, когда он увидел, как человек без рубашки шиб свою жертву и наступил на шею. Угол, под которым вывернулась голова, не оставлял вопросов. Миллер перевел свою команду на быстрый шаг. Арестовать убийцу, окруженного толпой сторонников, и без того дело непростое, не стоит раньше времени срывать дыхание.

В воздухе уже запахло кровью. Миллер чувствовал: толпа готова взорваться. Броситься на станцию, на корабли. Если хаос начнет засасывать других... куда они обратятся? В одном уровне отсюда, на полкилометра против вращения, был бордель, принимавший внутряков. Таможенный инспектор двадцать первого сектора женился на девушке с Луны и, пожалуй, слишком часто этим похвалялся.

«Чересчур много целей», – думал Миллер, жестом приказывая своим снайперам растянуться в цепь. Он попытался убедить себя, что стрельба оправдана. Остановить этих, и остальные останутся живы.

Воображаемая Кандес скрестила руки на груди и спросила: «Как насчет плана „Б“?»

Внешний край толпы взметнулся в тревоге много раньше, чем к нему подоспел Миллер. Хлестнула волна тел и угроз. Миллер сдвинул на затылок шляпу. Мужчины, женщины. Кожа темная, бледная, золотисто-коричневая, длинные тонкие тела астеров, лица, разинувшие рты в свирепых гримасах разъяренных шимпанзе.

– Позвольте сбить парочку, сэр, – обратился к нему по рации Гельбфиш. – Внушу им страх божий.

– Пробьемся, – ответил Миллер, улыбаясь разъяренной толпе. – Пробьемся.

Перед ним всплыло лицо, которое он ждал. Полуголый крупный мужчина, кровь на руках, брызги на щеке. Зародыш мятежа.

– Этого? – спросил Гельбфиш, и Миллер не сомневался, что крошечное инфракрасное пятнышко легло на лоб полуголого, осклизшегося на Миллера и людей в форме у него за спиной.

– Нет, – сказал Миллер. – Тогда остальные сорвутся с цепи.

– Так что будем делать? – спросил Браун.

Дьявольски хороший вопрос.

– Сэр, – заговорил Гельбфиш, – у здоровяка на левом плече татуировка АВП.

– Ну, – отозвался Миллер, – если будете стрелять, в нее и цельте.

Он выступил вперед, связал свой терминал с локальной сетью, подключился к оповещению. Когда он заговорил, его голос загремел из динамиков над головами.

– Я – детектив Миллер. Если вы все не хотите попасть под замок как сообщники убийства, предлагаю немедленно разойтись. – Заглушив микрофон, он обратился к полуголому: – Но не ты, горилла. Только шевельнись, и тебя пристрелят.

Кто-то из толпы швырнул гаечным ключом, серебристый металл сверкнул в воздухе над головой Миллера. Он почти успел увернуться, но рукоять зацепила его по уху. В голове зазвонили колокола, струйка крови потекла по шее.

– Не стрелять! – заорал Миллер. – Не стрелять!

Толпа отозвалась хохотом, словно он обращался к ним. Идиоты. Полуголый, приободрившись, шагнул вперед. Его тело раздулось от стероидов. Миллер снова переключил микрофон на своем терминале. Пока толпа наблюдает за их противостоянием, она не взорвется. Мятеж не пойдет дальше. Пока еще нет.

– Ну как, приятель, ты только беззащитных умеешь топтать или попробуешь и с другими? – обратился к полуголому Миллер. Он говорил небрежно, но голос, разносясь из портовых динамиков, звучал гласом божьим.

– Что разгавкался, пес землянский? – огрызнулся полуголый.

– Землянский? – Миллер хмыкнул. – Что, похоже, будто я вырос в гравитационном колодце? Я родился на этом камушке.

– Внутряки тебя запрягли, сучонок, – ответил полуголый. – Ты – их пес.

– Думаешь?

– Зна, ебтя, – сказал полуголый. То есть – «знаю и имел с тобой сексуальные отношения». Он выставил напоказ картинку на плече. Миллер подавил смешок.

– Стало быть, ты прикончил бедолагу ради блага станции? Ради Пояса? Не дай себя обдурить, малыш. Они тобой играют. Они и хотят, чтобы вы разыгрывали оголтелых бунтарей, – тогда появится повод нас прикрыть.

– Шраубен зи, зи вайбхен¹. – Полуголый, подавшись вперед, перешел на астерский диалект немецкого.

«Ну вот, меня второй раз обозвали сукой», – подумал Миллер.

– Подрубите ему ноги, – сказал он. Из коленей полуголого брызнули две багровые струи, и он с ревом завалился. Миллер перешагнул корчащееся тело, подступил к толпе.

¹ Тут матерно на ломаном немецком.

– Вы позволяете этому пендехо¹ вам приказывать? – заговорил он. – Послушайте, все мы знаем, что будет. Знаем, какие пошли пляски, нет? Они раздолбали ту агва², а мы знаем, что за это полагается. Вон из шлюза, так?

Он видел на лицах вспышку страха перед снайперами, потом замешательство – и нажимал, не давая им задуматься. Снова перешел на язык нижних уровней, язык образованных и облеченных властью.

– Вы знаете, чего хочет Марс. Там хотят, чтобы вы это сделали. Хотят, чтобы этот засранец добился: пусть каждый, взглянув на астеров, видит психопатов, которые разнесли на куски собственную станцию. Они хотят убедить себя, будто мы такие же, как они. Но мы не такие. Мы астеры, и сумеем о себе позаботиться.

Он выхватил одного из стоящих в первом ряду толпы. Не такого качка, как полуголый, но тоже здоровенного. У него на рукаве был нашит рассеченный круг АВП.

– Ты, – спросил Миллер, – хочешь драться за Пояс?

– Дуй³, – отозвался здоровяк.

– Еще бы не хотел. Он тоже хотел. – Миллер через плечо ткнул большим пальцем в сторону полуголого. – А теперь он калека и сядет за убийство. Так что одного мы уже потеряли. Видал? Они натравливают нас друг на друга. Нельзя им этого позволить. Каждого, кого мне придется покалечить, арестовать, убить, мы недосчитаемся, когда придет день. А он придет. Но еще не настал. Понял?

Парень из АВП оскалился. Толпа отхлынула от него, освобождая место. Миллер чувствовал ее движения, как течение. Оно изменилось.

– День придет, хомбре⁴, – сказал парень. – А ты знаешь, на чьей стороне окажешься?

В его голосе была угроза, но не было власти. Миллер медленно перевел дыхание. Пронесло.

– Всегда на стороне ангелов, – сказал он. – Почему бы вам всем не вернуться к работе? Представление закончилось, а дел у нас много.

Волна отхлынула, толпа разбилась на куски. По одному, по двое отщеплялись крайние, потом вдруг рассеялись все разом. Через пять минут после появления Миллера о случившемся напоминали только скулящий в луже собственной крови полуголый, рана на ухе Миллера и труп женщины, забитой на глазах у пятидесяти

¹ Недоумок (*исп.*).

² Нашу воду (*ломаный исп.*).

³ Верно (*кит.*).

⁴ Человек, парень (*исп.*).

добрых граждан. Она была низкорослой и носила летную форму марсианской грузовой линии.

«Всего один труп. Удачная ночь», – кисло усмехнулся про себя Миллер.

Он подошел к упавшему. Татуировка АВП окрасилась красным. Миллер встал на колени рядом.

– Приятель, – сказал он, – ты арестован за убийство этой дамы, черт знает, как там ее. Ты не обязан принимать участие в допросе без своего адвоката или представителя союза и, если я замечу хоть один косой взгляд, окажешься в вакууме. Мы друг друга поняли?

Глаза раненого ответили ему: «Да».

Глава 7

Холден

При половине g можно было выпить кофе. По-настоящему посидеть, держа кружку под носом и вдыхая аромат. Прихлебывать маленькими глоточками, не обжигая язык. При микрогравитации кофе доставлял мало радости, но при половинной g он отлично удавался.

Поэтому Холден сидел в тесном камбузе «Рыцаря» и очень старался думать о кофе и гравитации. Даже разговорчивый Алекс молчал. Амос положил перед собой большой пистолет и рассматривал его с пугающей сосредоточенностью. Шед спал. Наоми сидела напротив, пила чай и краем глаза приглядывала за приборной панелью на стене. Она переключила на нее командную рубку. Отвлекаясь на мысли о кофе, Холден мог не думать о том, как Ада последний раз испуганно вздохнула и превратилась в светящийся пар.

Алекс покончил с этим, заговорив:

– Рано или поздно придется решать, куда двигаться.

Холден кивнул, глотнул кофе и закрыл глаза. Мускулы у него вибрировали как натянутые струны, на периферии зрения плясали цветные пятнышки. Начиналась первая стадия отходняка от «сока», и дальше должно было стать хуже. Ему хотелось насладиться последними минутами без боли.

– Он прав, Джим, – сказала Наоми, – нельзя же вечно мотаться по большому кругу на половинном g .

Холден не открыл глаз. Темнота под веками светилась, колебалась и нагоняла легкую тошноту.

– Вечность еще не прошла, – сказал он. – Мы пятьдесят минут ждем, пока отзовется станция Сатурн и скажет, что мне делать с их кораблем. «Рыцарь» все еще принадлежит компании «Чисто-Прозрачно». И мы остаемся их сотрудниками. Вы хотели, чтобы я вызвал помощь, – я вызвал. Теперь подождем, посмотрим, какая она окажется.

– Может, нам тогда начать двигаться к станции Сатурн, босс? – спросил Амос, адресовав вопрос Наоми.

Алекс фыркнул.

– С движком «Рыцаря»? Даже если бы у нас хватило горючего на такой рейс – а его не хватит, – я не желаю сидеть в этой жестианке три месяца кряду. Если куда идти, то либо к Поясу, либо к Юпитеру. Мы как раз на полдороге между ними.

– Я голосую за Цереру, – сказала Наоми. – У ЧП там есть филиал. В комплексе Юпитера мы никого не знаем.

Холден, не поднимая век, покачал головой.

– Нет, подождем, пока они отзовутся.

Наоми укоризненно вздохнула. Забавно, подумал он, как можно различать голоса по самому слабому звуку. По кашлю или дыханию. Или короткому предсмертному вздоху.

Холден сел прямо и открыл глаза. Осторожно поставил кружку на стол непослушными уже руками.

– Я не хочу лететь к Церере, потому что в ту сторону ушел торпедировавший нас корабль, а ты, Наоми, успешно доказала, что гнаться за ним не стоит. Я не хочу лететь к Юпитеру, потому что горючего у нас только на один рейс, и, двинувшись в какую-то сторону, повернуть мы уже не сможем. Мы сидим здесь и пьем кофеек, потому что мне надо принять решение, а компания-наниматель вправе сказать свое слово. Так что дождемся их ответа, а потом я решу.

Холден медленно, осторожно встал и двинулся к трапу.

– Я придавлю подушку минут несколько, пока дрожь немного уляжется. Если вызовет «Чисто-Прозрачно», дайте мне знать.

Он заглотил седативные таблетки – крошечные горькие пилюли, оставившие во рту вкус хлебной плесени, – но не заснул. Снова и снова Макдауэлл клал руку ему на плечо и называл его Джимом. Бекка смеялась и ругалась как матрос. Кэмерон хвастался, как ловко управляется со льдинами.

Вздыхала Ада.

Холден девять раз ходил на «Кентербери» рейсом Церера – Сатурн. Два рейса туда-обратно в год, почти пять лет. И большая часть команды при нем не сменялась. Да, летать на «Кенте» означало опуститься на самое дно, но, следовательно, и податься с него было некуда. Люди оставались, корабль становился их домом. После непрерывных переводов с места на место на флоте Холден ценил постоянство. Он тоже почувствовал себя дома. Что-то неразборчиво проговорил Макдауэлл. «Кент» застонал, словно шел на огромном ускорении.

Ада улыбнулась и подмигнула ему.

Самая жуткая судорога в истории свела сразу все тело. Холден вцепился зубами в резиновую капу, завопил. Боль приносила забвение, была почти облегчением. Мысли отключились, вытесненные страданием тела. К счастью или нет, таблетки начинали действовать. Мышцы расслабились. Нервы примолкли, и сознание вернулось, нехотя, как ленивый школьник. Челюсти ныли – он вытащил капу. На резине остались следы зубов.

В освещенной слабым голубым светом каюте он думал о человеке, который исполнил приказ: уничтожить гражданский корабль.

Если бы ему пришлось сделать такое на флоте, он не спал бы много ночей. Ему случалось исполнять приказы, вызывавшие в нем яростный протест. Но взять на прицел гражданский корабль, пятьдесят человек, и нажать кнопку, выпускающую шесть атомных торпед? Он бы отказался. Если бы его командир настаивал, он объявил бы приказ преступным и потребовал, чтобы старший помощник принял командование и арестовал капитана. И чтобы убрать Холдена с орудийного поста, его пришлось бы пристрелить.

Однако он знал людей, способных выполнить такой приказ. Он говорил себе, что это социопаты, животные, не лучше пиратов, что берут на бордаж твой корабль, оставляют тебя без двигателя и без воздуха. Что они не люди.

Но даже лелея ненависть, в наваянной лекарствами утешительной дымке полузабытья, он не мог убедить себя, что это было сделано сдуру. В голове бились вопросы: «Зачем? Кому выгодно расстрелять ледовозную баржу? Кто за это заплатит? А платят всегда. Я вас найду. Я вас найду и прикончу. Но прежде я заставлю вас объяснить».

Вторая волна лекарственной химии выплеснулась в вены. Он обмяк, обливаясь жаром, по жилам растекался сироп. Он уже вырубался, когда Ада улыбнулась и подмигнула.

И рассыпалась прахом.

Коммутатор бибикнул, и голос Наоми сказал:

– Джим, ЧП наконец ответила. Переслать тебе?

Холден с трудом понял, о чем она говорит. Моргнул. Что-то было не так с койкой. С кораблем. Он медленно вспоминал.

– Джим?

– Нет, – сказал он, – посмотрю с тобой из рубки. Надолго я вырубился?

– На три часа, – сказала она.

– Господи. Не торопились же они с ответом, а?

Холден выкатился из койки и стер слепящую корку на ресницах. Он плакал во сне. Он сказал себе, что это отходняк от «сока». А боль в глубине груди – от перегрузки.

«Чем вы занимались столько времени, прежде чем нам ответить?» – мысленно спросил он.

Наоми ждала его в кабине связи, перед ней на экране застыло на полуслове мужское лицо. Оно показалось знакомым.

– Это не диспетчер.

– Нет. Это юристконсульт ЧП на станции Сатурн, – напомнила Наоми. – Тот, что выступал с речью, когда вскрылось мошенничество в системе снабжения. Помнишь? «Обворовывая нас, вы крадете у себя».

– Законник, – поморщился Холден. – Значит, жди плохих новостей.

Наоми запустила запись с начала. Лицо адвоката пришло в движение.

«Джеймс Холден, это Уоллес Фитц со станции Сатурн. Мы приняли вашу просьбу о помощи и доклад о происшествии. Приняли и вашу передачу, в которой вы обвинили Марс в гибели „Кентербери“ Это было, мягко говоря, неблагоразумно. Представитель Марса на станции Сатурн оказался в моем офисе через пять минут после вашей передачи. МРК весьма взволнована вашим необоснованным, с их точки зрения, обвинением их правительства в пиратстве.

Для дальнейшего расследования этого дела и помощи в розыске истинных преступников, если такие существуют, Флот МРК посылает за вами от Юпитера один из своих кораблей, „Доннаджер“. ЧП приказывает вам следующее: вы со всей возможной скоростью летите к системе Юпитера. Выполняете все инструкции, полученные от „Доннаджера“ или от любого офицера Флота Марсианской Республики Конгресса. Всемерно содействуете ФМРК в расследовании гибели „Кентербери“. И впредь воздерживаетесь от любых передач, кроме обращенных к нам или к „Доннаджеру“.

Если вы нарушите эти указания компании и распоряжения марсианского правительства, ЧП разорвет контракт с вами и будет считать, что вы незаконно вступили во владение судном, принадлежащим компании. В этом случае мы станем преследовать вас всей мощью закона.

Уоллес Фитц, конец связи».

Холден хмуро посмотрел на экран и покачал головой.

– Я вовсе не говорил, что это сделал Марс.

– В некотором роде сказал, – ответила Наоми.

– Я не сообщил ничего, кроме фактов, подтвержденных представленными мной данными, и не занимался истолкованием этих фактов.

– Так, – сказала Наоми, – что будем делать?

– Ни за что, – сказал Амос. – Ни за что.

Им пятерым было тесно на крошечном камбузе. На серых ламинатных стенах виднелись светлые потертости в местах, где когда-то завелась плесень и ее вычистили микроволнами или отодрали железными щетками. Шед сидел спиной к стене, Наоми за столом напротив. Алекс стоял в дверях. Амос принялся расхаживать взад-вперед: два коротких шага и поворот, – едва адвокат договорил первую фразу.

– Мне это тоже не нравится. Но это распоряжение нашей компании, – отозвался Холден, указывая на экран на стене кубрика. – Не думал втягивать вас в неприятности, ребята.

– Ничего, Холден. Я и сейчас считаю, что ты правильно сделал, – ответил Шед, расчесывая свои мягкие светлые волосы пятерней. – Так что, по-вашему, марсиане с нами сделают?

– Думаю, будут выламывать нам пальцы, пока Холден снова не выйдет в эфир с заявлением, что это не они, – ответил Амос. – Что за чертова дрянь! Они на нас напали, и мы же должны им содействовать? Они убили капитана!

– Амос, – остановил его Холден.

– Прости, Холден. Капитан, – сказал Амос. – Но, слезы Христовы, мы тут вляпались, и довольно паршиво. Мы же не собираемся исполнять, а?

– Мне не хочется навсегда исчезнуть в каком-нибудь тюремном корабле марсиан, – признал Холден. – Насколько я понимаю, у нас две возможности. Или мы выполняем приказ, а значит, практически сдаемся им на милость. Или бежим, пытаемся добраться до Пояса и спрятаться.

– Я за Пояс, – высказалась Наоми, скрестив руки. Амос тут же повторил ее жест. Шед поднял руку чуть медленнее.

Алекс покачал головой.

– Я знаю «Доннаджер», – сказал он. – Это не какой-нибудь прыгун для полетов между астероидами. Это флагман Марсианского флота на Юпитере. Боевой корабль. Четверть миллиона тонн неприятностей. Не служил на чем-нибудь такого размера?

– Нет. Самое большее – на истребителе, – признался Холден.

– Я служил на «Бэндоне», в малом флоте. От такого корабля нам было нигде не спрятаться. У него четыре главных двигателя,

каждый больше, чем весь наш кораблик. Рассчитан на длительные высокие ускорения, всю команду по уши накачивают «соком». Нам не сбежать, сэр, а если мы попытаемся, их сенсорный пакет сумеет высмотреть теннисный мячик за полсистемы и воткнуть в него торпеду.

– Ну и хрен с ними, сэр! – Амос встал. – Этим марсианские чудилы на букву «м» взорвали «Кент». Я говорю – бежим. По крайней мере заставим за собой погоняться.

Наоми положила ладонь ему на локоть, и здоровяк-механик осекся, помотал головой и сел. В камбузе стало тихо. Холден гадал, случалось ли Макдауэллу оказываться перед таким выбором и как поступил бы сейчас старик.

– Джим, решать тебе, – заговорила Наоми, и взгляд ее был жестким. «Нет. Ты обязан обеспечить безопасность четырех оставшихся членов команды. И все».

Холден кивнул и постучал себя пальцами по губам.

– ЧП нас поддерживать не собирается. И уйти нам, вероятно, не удастся, но пропасть без вести я не желаю, – сказал он и добавил: – Думаю, мы повинемся, но только не молча. Что мешает нам нарушить если не букву, так дух приказа?

Наоми закончила работу на панели коммутатора. Волосы ее при нулевом g парили вокруг головы темным облаком.

– Ну вот, Джим. Я перевела все мощности на передатчик. Нас будет отлично слышно до самой Титании, – сказала она.

Холден одной рукой разворошил свои слипшиеся от пота волосы. При нулевой силе тяжести они от этого встали торчком во все стороны. Он застегнул молнию костюма и нажал кнопку записи.

– Говорит Джеймс Холден с «Кентербери», теперь с челнока «Рыцарь». Мы содействуем расследованию гибели «Кентербери» и, в порядке этого содействия, согласны перейти на борт вашего корабля, «Доннаджер», ФМРК. Мы надеемся, что сотрудничество означает, что мы не станем пленниками и не пострадаем. Иной образ действий только подтвердит версию, что «Кентербери» был уничтожен марсианским судном. Джеймс Холден, конец связи.

Он откинулся назад.

– Наоми, отправь это в эфир.

– Хитрый трюк, босс, – заметил Алекс. – Теперь нас будет не так легко потерять.

– Я верю в идеалы прозрачного общества, мистер Камал, – ответил Холден.

Алекс ухмыльнулся, оттолкнулся и полетел к трапу. Наоми щелкала переключателями и тихо довольно хмыкала.

– Наоми, – окликнул Холден. Она обернулась, волосы лениво вспыли вверх, словно у утопленницы. – Если дела пойдут плохо, я хочу, чтобы ты... чтобы ты...

– Бросила тебя волкам, – подсказала она. – Свалила все на тебя и благополучно доставила остальных на станцию Сатурн.

– Да, – сказал Холден. – Не разыгрывай героиню.

Она оставила его слова висеть в воздухе, пока ирония не вытекла из них до последней капли.

– И в мыслях не было, сэр, – сказала она.

– «Рыцарь», с вами говорит капитан Тереза Яо с «Доннаджера», ФМРК, – произнесла суровая на вид женщина с экрана связи. – Сообщение принято. Прошу в дальнейшем воздержаться от передач в открытый эфир. Мой штурман вскоре пришлет вам расчет курса. Следуйте ему точно. Яо, конец связи.

Алекс смеялся.

– Похоже, ты ее взбесил, – сказал он. – Курс принят. Они подберут нас через тринадцать суток. Она успеет хорошенько раскипятиться.

– Тринадцать суток до дня, когда меня закуют в кандалы и загонят иголки под ногти, – вздохнул Холден, откидываясь на спинку кресла. – Ладно, отправляемся – навстречу плену и пыткам. Вводи принятый курс, мистер Камал.

– Роджер, кэп... Эй!..

– Проблемы, Алекс?

– Ну, «Рыцарь» вышел на разворот к объекту стыковки, – сказал тот, – и я вижу шесть объектов на пересекающемся курсе.

– С Пояса?

– Приближаются быстро, без позывных, – ответил Алекс. – Корабли, но летят без огней. Они могут перехватить нас на пару дней раньше «Доннаджера».

Холден включил свой экран. Шесть маленьких меток, желтовато-оранжевых с переходом к красному. Двигатели на полную мощность.

– Ну, – спросил Холден, обращаясь к экрану, – а вы кто такие, черт вас возьми?

Глава 8 Миллер

- Земля и Марс живут за счет агрессии против Пояса. В нашей слабости – их сила, – говорила женщина в маске с экрана терминала. Рассеченный круг АВП кольхался за ее спиной, словно был нарисован на простыне. – Не бойтесь их. Они сильны только вашим страхом.

– Ну да, и еще сотней с чем-то боевых кораблей, – вставил Хэвлок.

– Я слышал, – ухмыльнулся в ответ Миллер, – что стоит хлопнуть в ладоши и сказать «верую», чтобы они в вас не попали.

– Надо будет как-нибудь попробовать.

– Мы должны восстать! – Голос женщины стал пронзительным. – Должны взять судьбу в свои руки, пока ею не распорядились за нас! Помните «Кентербери»!

Миллер закрыл монитор и откинулся на спинку стула. На станции сменялась вахта, гудели голоса уходящих и заступающих на дежурство копов. К запаху свежего кофе примешивался сигаретный дымок.

– Таких, как она, около дюжины, – заговорил Хэвлок, кивая на погасший экран, – но эта – моя любимица. Готов поклясться, у нее временами пена на губах выступает.

– Сколько новых файлов? – спросил Миллер.

Напарник пожал плечами.

– Две-три сотни. – Хэвлок затынулся. Он опять начал курить. – Каждые несколько часов появляются новые. Они не сидят на месте. То вещают по радио, то забрасывают файлы в общую сеть. В припортовом кабаке Орлан наткнулась на парня, который раздавал видеодиски как листовки.

– Взяли?

– Нет, – равнодушно ответил Хэвлок.

Неделя прошла с тех пор, как Холден, самозванный мученик, гордо заявил, что он и его команда намерены побеседовать с марсиан-

ским флотом, а не просто обосраться и получить, что им причита-ется. Запись гибели «Кентербери» разошлась повсюду, на каждом углу кипели споры. Реальная ли эта запись или явный монтаж? Действительно ли торпеды были атомными, или обычное пиратское оружие случайно разбило двигатель, или же все это вообще фальшивка, старые файлы, раскопанные и выброшенные в эфир, чтобы скрыть настоящую причину гибели корабля?

Волнения три дня подряд вспыхивали то там, то здесь, как угли, достаточно горячие, чтобы разгореться от малейшего дуновения. Офисы администрации работали при усиленной охране, но все же работали. Порт приотстал, но теперь нагонял упущенное. Ублюдок, подстреленный по приказу Миллера, наращивал новые колени в тюремной больнице «Звездной Спирали», писал жалобы на Миллера и готовился к суду за убийство.

Со склада в пятнадцатом секторе пропало шестьсот кубометров азота. Избили и заперли в кладовке шлюху без лицензии: как только она закончила давать показания против участников нападения, ее арестовали. Поймали мальчишек, разбивавших камеры наблюдения на шестом уровне. Если не вглядываться, все шло как обычно.

Если не вглядываться.

Когда Миллер начинал работать в отделе по расследованию убийств, его поражало неестественное спокойствие родных каждой жертвы. Люди, только что потерявшие жен, мужей, детей и любовников, люди, чьи жизни были выжжены насилием, чаще всего спокойно угощали следователя чаем и отвечали на вопросы, старались получше принять полицейских. Сторонний наблюдатель решил бы, что с ними все в порядке. Только по тому, как обдуманно они держались, по взгляду, фокусировавшемуся с едва уловимой задержкой, Миллер видел, как глубока рана.

Станция Церера держалась обдуманно. И фокусировала взгляд с чуть заметной задержкой. Добропорядочные граждане – кладовщики, ремонтные рабочие, компьютерные техники – в вагоне «трубы» сторонились его, словно мелкие уголовники. С приближением Миллера разговоры замирали. На станции нарастало ощущение осадного положения. Еще месяц назад Миллер и Хэвлок, Кобб, Рихтер и прочие были надежной рукой закона. Теперь в них видели наемную охрану земной корпорации.

Разница была тонкой, но глубокой. Из-за нее ему хотелось вытянуться в высоту, телом доказать, что он астер. Что он свой. Ему хотелось вернуть доброе мнение людей. Может быть, позволить шайке виртуальных пропагандистов отделаться предупреждением.

Это было неразумное желание.

– Что у нас там? – спросил Миллер.

– Два ограбления – похоже, одной компании работа, – доложил Хэвлок. – Надо еще подбить рапорт о том внутреннем споре на прошлой неделе. Жалоба от консорциума «Наканеш Импорт» довольно серьезная, но Шаддид потолковала насчет нее с «Дайсон и Патель», так что, возможно, там все кончится миром.

– Так ты хочешь...

Хэвлок уставился куда-то вверх, чтобы скрыть, что прячет взгляд. Он проделывал эту штуку много чаще с тех пор, как дела пошли вразнос.

– Рапорт действительно надо сдать, – сказал он. – И не только этот. Есть три или четыре дела, которые не закрыты лишь потому, что осталось еще расставить точки над «i».

– Ага, – кивнул Миллер.

С тех пор как начались беспорядки, он видел, что в баре Хэвлока обслуживают в последнюю очередь. Он видел, как другие копы, начиная с Шаддид, норовили заверить Миллера, что *он-то* хороший парень, безмолвно извиняясь за то, что поставили его в одну упряжку с землянином. И видел, что Хэвлок тоже это видит.

Вот почему Миллеру хотелось его прикрыть, дать ему возможность спокойно отсидеться за бумажной работой, попивая кофеек. Помочь сделать вид, будто его не презирают за то, что он вырос в условиях гравитации.

Это желание тоже относилось к неразумным.

– А как твоё ерундовое дельце? – спросил Хэвлок.

– Что?

Хэвлок взял со стола папку.

– Дело Джули Мао. Ну, с похищением. Дополнительная работа.

Миллер кивнул и потер глаза. Кто-то у входа на станцию завопил. Кто-то другой рассмеялся.

– А, нет, – сказал Миллер, – я за него и не брался.

Хэвлок ухмыльнулся и протянул папку. Миллер принял ее и открыл. Восемнадцатилетняя девушка улыбнулась ему безупречной улыбкой.

– Не хочется сваливать на тебя всю писанину, – сказал Миллер.

– Это ведь не ты не хочешь допускать меня к этому делу. Такой приказ Шаддид. И в любом случае... это тоже бумажная работа. Убитых нет. Если чувствуешь себя виноватым, можешь угостить меня пивком после дежурства.

Миллер постучал ребром папки по углу стола, подбивая листки.

– Хорошо, – сказал он. – Займусь ерундой. Вернусь к ланчу, займусь писаниной, чтобы начальство не слишком бранилось.

– Я буду здесь, – сказал Хэвлок и, когда Миллер уже встал, добавил: – Слушай, не хотел говорить, пока не уверен, но иначе ты услышишь от других...

- Просишь о переводе? – понял Миллер.
- Угу. Поболтал кое с кем из заезжих ребят, подписавших контракт с «Протогеном». Говорят, на Ганимеди нужен новый старший следователь. Я и подумал... – Хэвлок пожал плечами.
- Хорошее место, – сказал Миллер.
- Просто хотелось туда, где можно видеть небо, хоть через купол, – объяснил Хэвлок, и вся показная мужественность полицейского не скрыла тоски в его голосе.
- Хорошее место, – повторил Миллер.

Нора Джульетты Андромеды Мао располагалась на девятом уровне четырнадцатислойного туннеля близ порта. Ветви огромной развилки к концам расширялись на добрых полкилометра, а у слияния едва пропускали стандартную «трубу»: старинное устройство одного из дюжины хранилищ реакторной массы тех времен, когда астероид еще не приобрел искусственной гравитации. Теперь в его стенах пробурили тысячи дешевых нор – по сотне на каждом уровне, все прямые, как пистолетные дула. На улицах-террасах играли ребятишки, орали и хохотали невесть над чем. Снизу кто-то запустил воздушного змея, пользуясь постоянным ровным потоком воздуха: ромб из яркого майлара раскачивался и вздрагивал в мельчайших завихрениях. Миллер сверил адрес на терминале с номером на стене. 5151-1. Дом, милый дом бедной богачки.

Он набрал свой код допуска, и грязно-зеленая дверь, втянув клапаны, пустила его.

Нора косо уходила вверх в тело станции. Три маленькие комнаты: жилая, за ней спальня, едва вмещавшая койку, за ней душевая кабина, туалет и маленькая раковина – все на пол-локтя друг от друга. Стандартная планировка, он видел такие тысячу раз.

Миллер постоял минуту, ни к чему особенно не приглядываясь, слушая успокоительное шипение воздуха в воздуховоде. Он старался не выносить суждений, ожидая, пока в голове само сложится впечатление о жилище и – через него – о жившей здесь девушке.

Слово «спартанское» тут не подходило. «Простое» – да. Единственным украшением была немного абстрактная акварелька с женским лицом в маленькой рамке, что висела над столом, и несколько бумажек величиной с игральную карту – над кроватью. Миллер наклонился, чтобы разобрать мелкий шрифт. Официальное свидетельство, подтверждающее, что Джули – не Джульетта – Мао получила красный пояс в центре джиу-джитсу Цереры. Еще одна – о переходе к коричневому поясу. Их разделяли два года. Крутая, значит, школа. Он тронул пальцем место на стене, оставленное для

черного. Карточки безо всяких украшений – ни стилизованных метательных звездочек, ни тренировочных мечей. Просто скромное признание, что Джули Мао добилась того, чего добилась. Одно очко в ее пользу.

В шкафу нашлись две смены одежды: одна из толстого полотна и брезента, другая – из голубого шелка с красным шарфом. Один костюм для работы, другой для развлечений. Меньше, чем у Миллера, а он был не любитель наряжаться.

Вместе с носками и бельем хранилась нарукавная повязка с рассеченным кругом АВП. Неудивительно для девушки, повернувшейся спиной к богатству и привилегиям ради жизни в такой дыре. В двух съемных ящиках холодильника осталась испорченная еда и бутылка местного пива.

Миллер поколебался, но пиво взял. Сел за стол и открыл встроенный домашний терминал. Шаддид оказалась права: код допуска Миллера сгодился в качестве пароля.

На рабочем столе картинка с гоночной шлюпкой. Все хранится под маленькими разборчивыми иконками. Общение, развлечения, работа, личные записи. «Стильное» – вот подходящее слово. Не «спартанское», а «стильное».

Он быстро перебрал профессиональные файлы, так же, как с жильем, позволяя впечатлению сформироваться без усилий. Придет время и для скрупулезной работы, но первое впечатление обычно оказывалось полезнее целой энциклопедии. У нее хранилась подборка учебных записей по управлению различными легкими грузовыми судами. Несколько политических архивов, но ничего настораживающего. Отсканированный сборник поэзии первопоселенцев Пояса.

Он перешел к личной корреспонденции. Джули поддерживала астерский порядок и здесь. Все входящие сообщения разложены в папки. Работа, личное, новости, покупки. Он открыл «Новости». Две или три сотни политических сообщений, дайджесты дискуссионных групп, бюллетени и объявления. Кое-что она просматривала, но без фанатизма. Джули была из тех женщин, которые готовы принести жертву своему делу, но не увлекаются чтением пропаганды. Миллер закрыл файл.

В «Покупках» лежало множество коммерческих предложений. Несколько расписок, несколько объявлений, заказы товаров и услуг. На глаза ему попался запрос в службу свиданий для астеров. Миллер просмотрел переписку. Джули подписалась на «Встречи при низкой g, низком давлении» в феврале прошлого года и отписалась в июне, не воспользовавшись услугами.

Папка «Личное» оказалась разнообразнее. На глазок здесь было шесть или семь десятков подразделов, помеченных именами: «Саша Ллойд-Наварро», «Ирен Майклс» – или метками: «Спарринг», «АВП»...

...«Никтоневиноват».

– О, это может быть интересно, – сказал он пустой норе.

Пятьдесят сообщений за пять лет, все с торговой станции «Мао – Квиковски» в Поясе или с Луны. В отличие от политических новостей все, кроме одного, просмотрены.

Миллер откупорил пиво и задумался над двумя самыми свежими сообщениями. Последнее, еще не вскрытое, пришло от некоего «ЖПМ». Надо думать, от Жюль-Пьера Мао. К предыдущему сохранились три черновика ответов, все не отосланные. Сообщение было от Ариадны. То есть от матери.

В работе детектива всегда есть что-то от вуайеризма. Он имел право находиться здесь, рыться в личной жизни совершенно незнакомой женщины. Ему как следователю полагалось знать, что она была одинока, что в ванной стояли только ее собственные туалетенные принадлежности. Что она была гордой. Никто не мог пожаловаться, да и жалоба осталась бы без внимания, на то, что он перечитал всю ее личную переписку. Разве что похищение ее пива могло вызвать легкое недовольство.

И все же Миллер несколько секунд помедлил, прежде чем открыть предпоследнее сообщение.

Экран сменил фон. На хорошей модели письмо выглядело бы точно как написанное пером на бумаге, но дешевая система Джули разбила изображение на тончайшие линии и пропустила легкое свечение по левому краю. Почерк был тонким и разборчивым: то ли пользовались программой каллиграфии, позволяющей варьировать форму букв и толщину штрихов, то ли текст писался от руки.

«Милая!

Надеюсь, у тебя все хорошо. Хотелось бы, чтобы ты сама иногда мне писала. Сейчас мне приходится посылать запрос в трех экземплярах, чтобы узнать, как дела у родной дочери. Я понимаю, что ты затеяла эту авантюру ради свободы и самостоятельности, но и для ответственности должно найтись место.

Я особенно хотела бы связаться с тобой, потому что отец опять строит планы консолидации, и мы подумываем продать „Бритву“. Знаю, что когда-то она много для тебя значила, но не думаю, чтобы ты снова занялась гонками. Сейчас она только съедает средства за хранение, а у нас нет причин быть сентиментальными».

Вместо подписи стоял легкий вензель: «АМ».

Миллер задумался над письмом. Почему-то он ожидал, что очень богатые родители дают на своих детей несколько тоньше. «Если не будешь слушаться, мы выбросим твои игрушки. Если не напишешь. Если не вернешься домой. Если перестанешь нас любить».

Миллер открыл первый черновик ответа.

«Мать, если тебе нравится себя так называть.

Спасибо, что швырнула в меня еще одним комом грязи. Не представляла, какой мелкой грубой эгоисткой ты можешь быть. Не верю, чтобы ты хоть во сне увидела, хоть на минуту вообразила, что я могу...»

Миллер не стал дочитывать. Тон письма был ясен и так. Второй черновик она написала два дня спустя. Миллер перешел на него.

«Мама!

Мне жаль, что в последние годы мы стали чужими. Я знаю, что тебе и папе было тяжело, но надеюсь, вы понимаете, что, принимая решение, я не хотела причинить вам боль. Насчет „Бритвы“ я прошу тебя подумать еще. Это моя первая шлюпка, и я...»

Дальше письмо обрывалось. Миллер откинулся назад.

– Держись, малышка, – обратился он к воображаемой Джули и открыл последний черновик.

«Ариадна.

Поступай как хочешь.

Джули».

Миллер рассмеялся и поднял бутылку, обращаясь с молчаливым тостом к экрану. Они знали, куда сильнее ударить, но Джули выдержала удар. Если ему случится найти ее и отправить обратно, это будет плохой день для них обоих. Для всех.

Он допил пиво, бросил бутылку в люк утилизатора и открыл последнее сообщение. Он всерьез боялся прочитать о судьбе «Бритвы», но знать все, что можно, было его работой.

«Джули!

Это не шутка. И не очередной драматический каприз матери. У меня есть надежные сведения, что Пояс становится очень небезопасным местом. О том, что нас разделяет, можно поговорить позже.

РАДИ СОБСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВОЗВРАЩАЙСЯ НЕМЕДЛЕННО».

Миллер нахмурился. Гудел воздуховод. Снаружи пронзительно свистнул кто-то из местных мальчишек. Миллер постучал по экрану, закрыл папку «Никтоневиноват» и снова открыл ее.

Сообщение пришло с Луны за две недели до того, как Холден и «Кентербери» подняли стяг войны между Поясом и Марсом.

Дополнительная работенка становилась интересной.

Глава 9 Холден

- Те корабли так и не отвечают, – сказала Наоми, набирая на панели связи последовательность символов.

– Я и не ждал, что ответят. Просто хочу показать «Доннаджеру», что мы озабочены преследованием. Пока что мы просто прикрываем задницы, – ответил Холден.

Наоми распрямилась, хрустнув позвонками. Холден достал из лежащей на коленях коробочки протеиновую плитку и кинул ей.

– Поешь.

Она содрала обертку, а тем временем Амос, поднявшись по трапу, занял место рядом с нею. Его комбинезон засалился до блеска. Как и у остальных: три дня в тесном челноке не способствовали соблюдению личной гигиены. Холден поднял руку и с отвращением поскреб в жирных волосах. На «Рыцаре» не было места для душа, а в раковины, приспособленные к невесомости, голову не засунешь. Амос решил проблему с мытьем волос, сбрив их подчистую. Теперь его лысину окружало кольцо щетины. Наоми каким-то образом умудрилась сохранить волосы блестящими и не особенно жирными. Холден хотел бы знать, как ей это удалось.

– Дай и мне пожевать, старпом, – попросил Амос.

– Капитан, – поправила Наоми.

Холден бросил плитку и ему. Амос подхватил ее и с отвращением уставился на длинный узкий пакетик.

– Черт подери, босс, я отдал бы левый орешек за еду, что не походила бы на кашку. – Он стукнул своим брикетом о плитку Наоми – будто чокнулся рюмками.

– Скажи лучше, как у нас с водой, – сказал Холден.

– Ну, я весь день ползал между обшивками. Закрепил всюду, где можно было, а где нельзя – наляпал эпоксидки, так что мы больше не подтекаем.

– И все равно воды в обрез, Джим, – вмешалась Наоми. – Система переработки на «Рыцаре» дерьмовая. Никто не думал, что понадобится две недели превращать отходы пяти человек во что-нибудь съедобное.

– В обрез – не так страшно. Просто научимся не замечать, как мы воняем. Я боялся услышать: «И близко не достаточно».

– Вот, кстати, пойду к себе, побрызгаюсь еще дезодорантом, – сказал Амос. – После того, как я день провел в корабельных кишках, ночь не спал от собственной вони.

Он проглотил последние крошки, причмокнул, шутливо облизнулся и, выбравшись из кресла, поплыл к трапу. Холден откусил кусочек от своей плитки. На вкус – как соленый картон.

– Как там Шед? – спросил он. – Что-то он притих.

Наоми нахмурилась и отложила начатую плитку на панель.

– Я как раз хотела об этом поговорить. С ним нехорошо, Джим. Из всех нас он тяжелее всех переносит... то, что случилось. Вы с Алексом оба флотские. Вас учили мириться с потерями. Амос так давно летает, что, верь не верь, теряет уже третий корабль.

– А ты выкована из стали и титана, – закончил Холден, почти не шутя.

– Не совсем. Процентом на восемьдесят, самое большее на девяносто, – слабо улыбнулась Наоми. – Но я серьезно думаю, что тебе надо с ним поговорить.

– И что я скажу? Я не психиатр. Флотский вариант требует напомнить о долге, почетных жертвах и мести за павших. Не слишком хорошо работает, когда твоих друзей убили без видимых причин и у тебя мало шансов расплатиться.

– Я не говорю, что ты должен привести его в порядок. Просто поговори.

Холден поднялся и отдал честь.

– Да, сэр. – И уже от трапа добавил: – Еще раз спасибо, Наоми. Я действительно...

– Знаю. Иди, будь капитаном, – сказала она, отворачиваясь к панели и вызывая к жизни экран. – А я еще помашу нашим соседям.

Холден нашел Шеда в крохотном госпитальном отсеке «Рыцаря». Честно говоря, отсек больше походил на чулан. Между усиленной койкой, шкафчиками с оборудованием и полудюжиной встроенных в стену приборов едва оставалось место для табурета, прикрепленного к полу магнитными ножками. На нем и сидел Шед.

– Эй, дружище, войти можно? – спросил Холден. «Я и вправду сказал: „Эй, дружище“?»

Шед пожал плечами и вызвал на стенную панель список оборудования, просматривая содержимое шкафчиков. Притворился, будто занят делом.

– Послушай, Шед, нас всех сильно ударило это дело с «Кентер-бери», и ты... – начал Холден. Шед обернулся, держа в руках белый тубик.

– Трехпроцентный раствор уксусной кислоты. Понятия не имел, что здесь такое есть. На «Кенте» кончился, а у меня было трое с ГБ, которым он бы пригодился. Интересно, зачем его запасли на «Рыцаре», – протянул Шед.

– ГБ? – только и нашел что сказать Холден.

– Генитальные бородавки. Раствор уксусной кислоты применяется для всех видов наружных бородавок. Выжигает их. Дьявольски больно, зато действенно. На челноке он ни к чему. В аптечках вечный бардак.

Холден открыл рот – и снова закрыл, так и не придумав, что ответить.

– У нас есть уксусная мазь, – голос Шеда постепенно повышался, – зато нет обезболивающих. Как по-твоему, что нужнее на спасательном челноке? Если бы на разбитом корабле нашелся человек с острой формой ГБ, я бы ему помог. А если с переломом кости? Извините, придется потерпеть.

– Слушай, Шед... – попробовал остановить его Холден.

– А вот сюда посмотри. Коагулянтов нет. Какого черта? Кто бы мог подумать, что спасателям придется иметь дело, знаешь ли, с *кровотечением*? Да ни в жизнь! Я к тому, что у нас на «Кенте» сейчас четыре случая сифилиса. Одно из древнейших заболеваний в списке, и мы до сих пор не можем с ним справиться. Я ребятам говорю: «Шлюхи на Сатурне перебирают всех водовозов, так что не снимайте перчаток», но разве ж они послушают? Нет. И вот мы имеем сифилис, а ципрофлоксацина не хватает.

Холден почувствовал, что челюсть у него выдвигается вперед. Он ухватился за боковину люка и наклонился к Шеду.

– «Кент» уничтожен, – отчетливо, громко и жестоко проговорил он. – Все погибли. Никому не нужны антибиотики. Никому не нужна мазь от бородавок.

Шед осекся, резко выдохнул, как от удара в живот. Мелкими точными движениями закрыл аптечку и отключил экран.

– Знаю, – тихо сказал он. – Не дурак. Просто мне нужно время.

– Всем нужно. Но мы все заперты в этой консервной банке. Скажу честно, я пришел, потому что за тебя беспокоилась Наоми, но стоило тебя увидеть, ты и меня дьявольски обеспокоил. Тут все нормально, я капитан, и это моя работа, но я не могу позволить, чтобы ты действовал на нервы Алексу или Амосу. Через десять

дней нас сграбастают марсиане, и нам и так достаточно страшно, чтобы еще доктор разваливался на куски.

– Я не врач. Просто техник, – очень тихо отозвался Шед.

– Для нас ты доктор, договорились? Нас здесь четверо, и для нас ты врач. Если Алекс начнет страдать от посттравматического синдрома и ему понадобится лекарство, он придет к тебе. Если он застанет тебя бормочущим эту чушь про бородавки, он развернется, уйдет в рубку и напашет с полетным курсом. Хочешь выплакаться? Плачь при всех. Посидим на камбузе, надеремся и порыдаем, как младенцы, но только вместе, в безопасности. Нечего здесь прятаться.

Шед кивнул.

– А можно? – спросил он.

– Что можно?

– Надраться и порыдаться, как младенцам.

– Еще бы. Вставлю в программу полета на этот вечер. Ровно в двенадцать приказываю явиться на камбуз, мистер Гарвей. Захватите чашку.

Шед хотел ответить, но тут включилась общая связь и Наоми сказала:

– Джим, возвращайся в рубку.

Холден сжал плечо Шеда, затем вышел.

В рубке Наоми, включив экран, тихо переговаривалась с Алексом. Пилот качал головой и хмурился. На экране светилась карта.

– Что стряслось? – спросил Холден.

– Мы принимаем направленную передачу, Джим. Луч поймал нас пару минут назад, – ответила Наоми.

– С «Доннаджера»? – Насколько было известно Холдену, в пределах досягаемости лазерной связи находился только боевой корабль марсиан.

– Нет. С Пояса. Причем не с Цереры, не с Эроса и не с Паллады. Ни с какой из больших станций.

Она указала на точку на своем экране.

– Вот отсюда.

– Там же пусто, – удивился Холден.

– А вот и нет. Алекс проверил. Это участок большого строительного проекта «Тихо». Подробностей не сообщали, но радар дает довольно мощное эхо.

– И где-то там имеется передатчик, который за три а.е.¹ попадает в точку размером с твой анус, – добавил Алекс.

¹ Астрономическая единица – диаметр орбиты Земли, около 150 миллионов километров.

– Ладно, ух, я потрясен! И что говорит этот анус?

– Ты не поверишь. – Наоми включила повтор записи.

На экране появился темнокожий человек с тяжелыми лицевыми костями землянина. В волосах седина, на шее жгуты мышц. Он улыбнулся и заговорил: «Привет, Джеймс Холден. Меня зовут Фред Джонсон».

Холден нажал кнопку паузы.

– Вроде он мне знаком. Поищите его имя в базе данных, – попросил он.

Наоми не шевельнулась, но озадаченно уставилась на него.

– Ну что? – спросил Холден.

– Это Фредерик Джонсон, – сказала она.

– Предположим...

– Полковник Фредерик Люциус Джонсон.

Пауза длилась, может быть, секунду, но показалась часом.

– Господи! – Холден опешил.

Человек на экране когда-то считался самым прославленным офицером Флота ООН, а кончил самым позорным конфузом. Для астеров он был чем-то вроде шерифа Ноттингемского, перекавалифицировавшегося в робин-гуды. Для Земли – героем, лишившимся чести.

Фред Джонсон прославил себя серией удачных операций против пиратов с Пояса в очередной период напряженности между Землей и Марсом – они возникали и затухали каждые несколько десятилетий. Как только две великие державы начинали бряцать оружием, уровень преступности в Поясе возрастал. Полковник Джонсон – в то время еще капитан – со своей маленькой эскадрильей в три фрегата за два года уничтожил дюжину пиратских кораблей и две крупные базы. К тому времени, как Коалиция угомонилась, пиратство в Поясе оказалось практически ликвидировано, а имя Фреда Джонсона было у всех на устах. Он пошел на повышение, получил командование над дивизионом десантников Коалиции, патрулировавшим Пояс, и продолжал отлично нести службу.

До событий на станции Андерсон.

Крошечный торговый форпост на дальней от крупного порта Цереры стороне Пояса. Мало кто, даже из астеров, нашел бы ее на карте. Она оправдывала свое существование, только работая распределителем воды и воздуха по дальним пределам Пояса. Воздух с Андерсона получали меньше миллиона человек.

Свежевыдвинувшийся чиновник Коалиции Густав Маркони решил на три процента повысить пошлину на проходящие через станцию товары в надежде поднять доходы. Без запасов жили менее пяти процентов астеров, получавших воздух с Андерсона, так что обходиться без воздуха один день в месяц пришлось бы не более чем пятидесяти тысячам. Незначительный процент из этих пя-

тидесяти тысяч не имели восстановителей, которые покрыли бы такую мелкую недостачу. И лишь малая доля последних решили, что вооруженное восстание – разумный выбор.

Вот почему из миллиона пострадавших от новой пошлины всего сто семьдесят астеров захватили станцию и выбросили Маркони из шлюза. Они потребовали от правительства гарантий, что пошлины на воду и воздух, проходящие через станцию, больше не будут повышаться.

Коалиция прислала полковника Джонсона.

Во время резни на станции Андерсон астеры держали камеры включенными и непрерывно вели передачу на всю Солнечную систему. Все видели, как десантники Коалиции медленно и жестоко вытесняли из коридоров станции людей, которым нечего было терять и которые не видели причин сдаваться. Коалиция победила – исход оказался предрешен, – но победе предшествовала трехдневная бойня в прямом эфире. Символом ее стала не какая-то из картин боя, а заключительный кадр, переданный камерами перед самым отключением: полковник Джонсон в командной рубке станции, окруженный телами астеров, превративших ее в последний редут, озирает сцену бойни пустым взглядом, бессильно свесив руки.

Коалиция пыталась замолчать отставку полковника Джонсона, однако он был слишком заметной фигурой. Видео сражения несколько недель держалось в топе сети, и вытеснило его только официальное обращение полковника Джонсона, приносившего извинения за устроенную резню и объявлявшего, что нынешние отношения между Поясом и внутренними планетами неприемлемы и ведут к еще большим трагедиям.

Затем он пропал. Его почти забыли – примечание мелким шрифтом к истории человекоубийства, – пока четыремя годами позже не взбунтовались колонисты Паллады. На этот раз губернатора, поставленного Коалицией, вышибли рабочие перегоночной станции. И здесь была уже не крошечная отдаленная станция со ста семьюдесятью бунтовщиками, а крупный астероид с населением полторы сотни тысяч человек. Когда Коалиция вызвала десантников, все ожидали кровавой бани.

Полковник Джонсон возник из ниоткуда и уговорил рабочих успокоиться. Он убедил командование Коалиции задержать десантников, пока станцию не сдадут миром. Он больше года торговался с управлением Коалиции об улучшении условий труда на перегоночной станции. И на месте палача станции Андерсон вдруг возник герой Пояса и святой.

Этот герой сейчас передавал на «Рыцарь» сообщение по закрытому каналу.

Холден нажал «пуск», и *тот самый* Фред Джонсон сказал:

«Мистер Холден, я думаю, вами играют. Позвольте прямо предупредить, что я обращаюсь к вам как представитель Альянса Внешних Планет. Не знаю, что вы о нас слышали, но не все мы – ковбои, у которых руки чешутся пулями пробить путь к свободе. Я потратил последние десять лет, добиваясь улучшения жизни астероров *без стрельбы*. Я настолько верю в свою миссию, что отказался от гражданства Земли, перебравшись сюда.

Я говорю об этом, чтобы вы знали, на чьей я стороне. Я, возможно, единственный человек в Солнечной системе, который менее всего желает войны, а в совете АВП мой голос звучит громко.

Вы, возможно, слышали часть передач, где грохочут барабаны войны и слышатся призывы отомстить Марсу за ваш корабль. Я переговорил со всеми лидерами ячеек АВП, и никто из них не принял на себя ответственности.

Кто-то очень старается развязать войну. Если это Марс, то, ступив на борт того корабля, вы уже не скажете публично ни слова, кроме как под диктовку марсиан. Я не хочу думать, что это действительно Марс. Не вижу, что они выигрывают от войны. Поэтому я надеюсь, что, даже оказавшись на „Доннаджере“, вы сможете играть свою роль в том, что последует.

Я посылаю вам пароль. В следующий раз, когда будете выступать публично, вставьте в первую фразу слово „повсеместно“, чтобы показать, что говорите без принуждения. Если вы им не воспользуетесь, я буду считать, что вас принуждают. В любом случае помните, что в Поясе у вас есть союзники.

Не знаю, кем и чем вы были прежде, но теперь ваши голоса много значат. Если вы захотите отдать их за перемены к лучшему, я помогу вам всеми силами. Если окажетесь свободны, свяжитесь со мной по приложенному адресу. Думаю, нам найдется о чем поговорить.

Джонсон, конец связи».

Команда сидела в камбузе за бутылкой эрзац-текилы, которую где-то раскопал Амос. Шед благовоспитанно прихлебывал из маленькой чашечки и незаметно морщился при каждом глотке. Алекс и Амос пили по-матросски: наливали сразу на палец и опрокидывали залпом. Алекс при каждом глотке повторял: «Ух, ребята!» Амос всякий раз подыскивал новое ругательство. Он добрался до одиннадцатой порции, ни разу еще не повторившись.

Холден не сводил глаз с Наоми. Она раскручивала текилу в своей чашке и отвечала таким же пристальным взглядом. Холден поймал себя на мысли о том, какая смесь генов породила ее черты. Определенно чувствовалась африканская и южноамериканская

кровь. Фамилия намекала на предков-японцев, угадывавшихся чуть заметно в складке век. Ее нельзя было назвать хорошенькой в общепринятом смысле слова, но если взглянуть под правильным углом, она просто-напросто потрясала.

«Дело дрянь, я пьянее, чем думал».

Чтобы скрыть это, он заговорил:

– Итак...

– Итак, к вам теперь обращается полковник Джонсон. Важной вы стали персоной, сэр, – подхватила Наоми.

Амос с преувеличенной осторожностью поставил чашку на стол.

– Как раз собирался спросить, сэр. Не отказаться ли нам от предложенной помощи и не дернуть ли обратно на Пояс? – произнес он. – Не знаю, как вам, а мне тесновато между марсианским фрегатом и шестью неопознанными кораблями.

Алекс фыркнул:

– Шутишь? Если сейчас вздумаем поворачивать, как раз успею затормозить к тому времени, как «Доннаджер» нас перехватит. Они и так жгут мебель, чтобы успеть к нам раньше астерских судов. Если мы повернем им навстречу, «Донни» решит, что мы перебежали в другую команду, и всех нас в клочки разметелит.

– Я согласен с мистером Камалом, – сказал Холден. – Мы выбрали курс и будем держаться его до конца. Не хотелось бы потерять контакт, который дал нам Фред. Кстати, Наоми, ты уже стерла сообщение?

– Да, сэр, выскребла из корабельной памяти железной щеткой. Марсиане не узнают, что он с нами говорил.

Холден кивнул и опустил молнию тренировочного костюма. Пятерке пьяниц в камбузе было жарковато. Наоми при виде его заношенной футболки вздернула бровь. Он смущенно застегнулся доверху.

– Не пойму я, что это за посудины, босс, – заговорил Алекс. – Полдюжины корабликов-камикадзе с атомными зарядами на корпусе *могли бы* пробить брешь в боевой колымаге вроде «Донни», но средства послабее не сработают. Он окружен защитной сетью и рельсовыми орудиями, он может создать вокруг себя закрытую зону в тысячу кмэ. Он и сейчас мог бы подбить ту шестерку торпедами, только, думается, марсианам так же, как нам, любопытно узнать, кто бы это мог быть.

– Они наверняка понимают, что не успеют к нам раньше «Доннаджера», – сказал Холден, – и вступить с ним в бой не могут. Так что не могу предположить, что у них на уме.

Амос разлил всем остатки текилы и поднял свою чашку в тосте.

– Думаю, мы еще узнаем, что это за хрень.

Глава 10

Миллер

Когда капитан Шаддид сердилась, она постукивала кончиком среднего пальца о подушечку большого. Звук получался тихим, как топоток кошачьих лапок, но с тех пор, как Миллер заметил эту ее привычку, он с каждым разом казался громче. Каким бы тихим он ни был, а заполнял ее кабинет.

– Миллер, – сказала она, улыбаясь самой неподдельной улыбкой, – мы все еле держимся. Дни были очень-очень трудными.

– Да, сэр, – ответил Миллер, пригнув голову, словно собрался макушкой пробить себе путь сквозь все преграды. – Мне это кажется достаточно важным, чтобы заняться вплотную...

– Это просто услуга акционеру, – сказала Шаддид. – Отец занервничал. Нет оснований полагать, что он подразумевал уничтожение «Кентербери» Марсом. Тарифы опять растут. На шахте «Красной Луны» был взрыв. У Эроса проблемы с дрожжевыми фермами. У нас в Поясе что ни день – неприятности, которые могут заставить отца тревожиться за свой драгоценный цветочек.

– Да, сэр, но совпадение по времени...

Ее пальцы участили темп. Миллер прикусил губу. Спор был проигран.

– Не стоит выискивать заговоров, – сказала Шаддид. – У нас полно вполне реальных уголовников. Политики, война, заговор негодяев-внутриков, желающих нас отыметь... вне наших полномочий. Просто представьте мне рапорт, показывающий, что розыск ведется, я перешлю его наверх, а вы сможете вернуться к своей работе.

– Да, сэр.

– Что-то еще?

– Нет, сэр.

Шаддид кивнула и отвернулась к своему терминалу. Миллер взял лежавшую на уголке ее стола шляпу и вышел. За выходные

один из фильтров на станции испортился, и новый наполнял воздух успокоительным запахом свежего пластика и озона. Миллер уселся за свой стол, сплел пальцы на затылке и уставился на светильник над головой. Узел, стянувшийся у него в животе, не желал распускаться. Плохо дело.

– Ничего хорошего? – осведомился Хэвлок.

– Могло быть лучше.

– Отобрала дело?

Миллер покачал головой.

– Просто хочет, чтобы я занимался им вполсилы.

– Могло быть хуже. По крайней мере, у тебя есть возможность выяснить, что случилось. И покопать немножко после работы, просто для практики, понимаешь?

– Ага, – протянул Миллер, – для практики.

Их столы, и его, и Хэвлока, были протвоестественно чистыми. Бумажная стена, которой Хэвлок отгораживался от станции, рассосалась, и по тому, как бегали глаза партнера и двигались его руки, Миллер видел: коп в нем хочет вернуться в туннели. То ли чтобы показать себя перед переводом, то ли просто проломить пару голов. Может быть, это было одно и то же, только разными словами.

«Просто не дай себя убить, пока не выберешься отсюда», – подумал Миллер. А вслух сказал:

– Что у нас?

– Магазин электроники. Восьмой сектор, третий уровень, – доложил Хэвлок. – Жалоба на вымогательство.

Миллер посидел еще минуту, рассматривая собственную досаду как чужую. С тем же успехом Шаддид могла бы скормить собаке крошечный кусочек свежего мяса, после чего загнать ее обратно в конуру. В нем расцветало желание послать к черту магазин электроники, и на мгновение он был готов поддаться искушению. Но все же вздохнул, свесил ноги на пол и встал.

– Ну ладно. Пойдем, обеспечим безопасность коммерции на станции.

– Отличный лозунг. – Хэвлок проверил оружие. В последнее время он часто это проделывал.

Лавчонка торговала развлекательными дисками. Чистые белые наклейки сулили обычный набор интерактивных развлечений: боевые симуляторы, старательские игры, секс. В динамиках женский голос тянул нечто среднее между призывом муэдзина и стоном оргазма. Половина надписей оказалась на хинди с переводами на китайский и испанский. Другая половина – на английском с дублированием на хинди. Кассир был совсем мальчишка. Лет шестнадцать-семнадцать, и черный пушок на подбородке.

– Чем могу служить? – спросил паренек неодобрительно, едва ли не с презрением разглядывая Хэвлока. Тот достал карточку, при этом позволив мальчишке хорошенько рассмотреть его пистолет.

– Мы хотели побеседовать с... – Миллер бросил взгляд на текст жалобы на терминале, – с Эшером Камамацу. Он здесь?

Для астера управляющий был толстяком. Выше Хэвлока, со слоем жира на брюхе и солидными мускулами на плечах, руках и шее. Прищурившись, Миллер разглядел сквозь наслоения лет и разочарований семнадцатилетнего паренька, и тот очень походил на кассира, оставшегося в лавке. Каморка была тесновата для троих, к тому же забита коробками порнографических дисков.

– Поймали вы их? – спросил управляющий.

– Нет, – ответил Миллер. – Пока выясняем, кто эти «они».

– Черт, да я же вам сказал. Они попали на камеру слежения, я вам даже имя назвал, что за хрень?

Миллер взглянул на терминал. Подозреваемого звали Матео Джадд, докер с ничем не примечательным уголовным досье.

– Вы, стало быть, считаете, что он один из них, – кивнул Миллер. – Ладно, мы его возьмем и посадим. И нам незачем будет искать, на кого он работал. Возможно, никто и не обидится. Мой опыт говорит, что, потеряв сборщика, его просто заменяют другим. И если вы уверены, что все ваши беды *только* от этого парня...

По лицу управляющего Миллер догадался, что намек понят. Хэвлок, прислонившийся к коробке с русской надписью «Сиротливые девушки», улыбался.

– Почему бы вам не рассказать, чего он хотел? – предложил Миллер.

– Я уже говорил прошлому копу, – ответил Камамацу.

– Расскажите и мне.

– Он продавал нам частную страховку. Сотня в месяц, как и прежний парень.

– Прежний? – вмешался Хэвлок. – Такое случалось и раньше?

– Ясное дело, – ответил управляющий. – Сами знаете, каждый кому-то платит. Налог на бизнес.

Миллер, нахмурившись, закрыл свой терминал.

– Философский подход. Но если это налог на бизнес, при чем здесь мы?

– Притом что я думал, вы... ваши люди сумели покончить с этим дерьмом. С тех пор, как мы перестали платить Локе, у нас пошла приличная прибыль. А теперь все сызнова.

– Притормозите, – перебил Миллер. – Вы хотите сказать, что Лока Грейга перестал собирать плату за крышу?

– Ясное дело. И не только с нас. Половина ребят из «Ветви», кого я знаю, пропали с глаз. Мы решили, что копы в кои-то веки что-то сделали. А теперь появились эти новые ублюдки, и все пошло по-старому.

По загравку у Миллера поползли мурашки. Он оглянулся на Хэвлока, тот покачал головой. Он тоже об этом не слышал. Общество «Золотая Ветвь», банда Сохиро, Лока Грейга. Вся организованная преступность на Церере пережила экологический коллапс, а теперь кто-то спешил занять освободившуюся нишу. Может, авантюристы. Может, кто-то еще. Он с трудом заставил себя задать следующий вопрос. Хэвлок сочтет его параноиком.

– Давно ли исчезла прежняя крыша? – спросил Миллер.

– Не знаю. Давно.

– До или после того, как Марс прикончил того водовоза?

Управляющий скрестил толстые руки, прищурился.

– До, – сказал он. – Может, месяц или два. А при чем тут оно?

– Просто пытаюсь уточнить время, – ответил Миллер. – А этот новенький, Матео, не сказал вам, кто держит его страховой полис?

– Это уж ваша работа выяснять, нет? – Лицо управляющего замкнулось так резко, что Миллеру послышался щелчок. Да, Эшер Камамацу знал, кто его трясет. У него хватило мужества пискнуть, но оказалось маловато, чтобы ткнуть пальцем.

Любопытно.

– Ну, спасибо, – произнес Миллер, вставая. – Мы дадим вам знать, если что найдем.

– Рад, что вы занялись этим делом, – сказал Эшер, отвечая уколom на укол.

В наружном туннеле Миллер задержался. Район был на грани между сомнительным и респектабельным. Белые пятна указывали места, где выскребли граффити. Их объезжали велосипедисты, пенопластиковые колеса жужжали по полированному камню. Миллер медленно прошелся, разглядывая потолок, пока не высмотрел камеру, установленную службой безопасности. Открыв терминал, он вывел на экран журнал камеры и сверил его с записью из лавки. Минуту переключал кадры, гоняя взад-вперед изображения покупателей. Вот и выходящий из лавки Матео. На лице противная самодовольная ухмылка. Миллер остановил кадр и дал высокое разрешение. Хэвлок, заглядывавший ему через плечо, присвистнул.

На рукаве бандита четко виднелась повязка с рассеченным кругом АВП – такая же, как повязка из норы Джули Мао.

«Ну и компанию ты себе выбрала, детка! – подумал Миллер. – Ты стоишь лучшего. И должна была это понимать».

– Эй, партнер, – вслух сказал он. – Не мог бы ты написать отчет об этом допросе? У меня на уме одно дело. Пожалуй, брать тебя с собой не стоит, ты уж не обижайся.

Брови Хэвлока поползли к линии волос.

– Хочешь допросить АВП?

– Просто потрясу дерево-другое, – ответил Миллер.

Он рассчитывал, что представитель службы безопасности в баре, посещаемом членами АВП, будет достаточно заметен. Впрочем, половина лиц, которые удалось рассмотреть в полумраке мужского клуба Джона Рока, принадлежали обычным гражданам. Многие из них, как и он, работали на «Звездную Спираль». Музыка звучала чисто астерская: тихие колокольцы под цитру и гитару, песни на полудюжине языков. Он допивал четвертую кружку пива, потратив уже два часа сверх рабочего времени, и готов был отказаться от провалившегося плана, когда к нему за стойку подсел высокий худой субъект. Угреватые щеки придавали зловещий вид лицу, выражавшему скрытое веселье. За вечер на глаза Миллеру попалось несколько человек с повязками АВП, но этот держался уверенно и властно. Миллер кивнул.

– Похоже, интересуетесь АВП, – заговорил сосед. – Подумываете вступить?

Миллер улыбнулся и поднял свою кружку в нарочито невыразительном жесте.

– Если да, с кем мне поговорить? – легкомысленно спросил он.

– Пожалуй, я мог бы помочь.

– Может, тогда вы могли бы сказать мне еще кое-что. – Миллер достал свой терминал и со стуком водрузил на прилавок из искусственного бамбука. На экране появился Матео Джадд. Сосед нахмурился и повернул экран к себе, чтобы лучше видеть.

– Я реалист, – сказал ему Миллер. – Когда рэкетом занимались «Улиточки», я не отказывался из гордости потолковать с ними. И когда на их место пришел Хэнд, а потом «Золотая Ветвь». Мое дело – не мешать людям нарушать правила, а охранять безопасность Цереры. Вы понимаете, о чем я?

– Не уверен, – отозвался угреватый. Выговор его, неожиданно для Миллера, выдавал человека образованного. – Кто это такой?

– Его зовут Матео Джадд. Занялся рэкетом в восьмом секторе. Говорят, его прикрывает АВП.

– Люди много чего говорят, детектив. Вы ведь детектив, не так ли? Но мы рассуждали о реализме.

– Если АВП выдвигается на черный рынок Цереры, для всех будет лучше, если мы сможем говорить друг с другом. Поддерживать связь.

Мужчина хмыкнул и оттолкнул терминал. Бармен придвинулся к ним, по его глазам было не похоже, что он интересуется новым заказом. И смотрел он не на Миллера.

– Я слышал, что в «Звездной Оси» есть определенный уровень коррупции, – сказал сосед, – и меня впечатляет ваша прямота. Уточню. АВП – не преступная организация.

– Право? А я-то думал... Исходя из того, сколько убитых на ее счету...

– Не пытайтесь меня подловить. Мы защищаемся от людей, которые поддерживают экономический террор против Пояса. Это земляне, марсиане. Мы защищаем Пояс, – сказал человек из АВП. – Даже вас, детектив.

– Экономический террор? – переспросил Миллер. – Слишком сильно сказано.

– Вы так думаете? Внутренние планеты видят в нас рабочую силу. Они облагают нас налогами. Они указывают нам, чем заниматься. Они устанавливают свои законы и игнорируют наши – во имя стабильности. В прошлом году они удвоили тарифы на Титании. Пять тысяч человек на ледяном спутнике Нептуна в месяцах пути откуда угодно. Солнце для них – просто яркая звезда. Вы думаете, они в состоянии требовать пересмотра? Они запретили всем грузовым судам астероидов подписывать контракты с Европой. Они берут с нас двойную плату за стоянку на Ганимеде. А научная станция на Фебе? Нам не разрешается даже выходить на ее орбиту! На ней нет ни одного астера. Чем бы они там ни занимались, мы об этом узнаем лет через десять, когда они продадут нам новую технологию.

Миллер отхлебнул пива и указал на свой терминал.

– Так он не из ваших?

– Нет, не из наших.

Миллер кивнул и положил терминал в карман. Как ни странно, он верил этому человеку. Тот не походил на гангстера. Он не бравировал. Не навязывал своего мнения. Нет, в нем можно было разглядеть уверенность и юмор, а под ними таилась глубокая усталость. Миллер знал похожих на него солдат, но не преступников.

– Еще одно, – сказал он. – Я ищу человека.

– Тоже расследование?

– Нет, не совсем. Джульетта Андромеда Мао. Больше известна как Джули.

– Я должен знать это имя?

– Она из АВП. – Миллер пожал плечами.

– А вы всех знаете в «Звездной Спирали»? – Не дождавшись ответа, мужчина добавил: – Наша корпорация много крупнее вашей.

– Справедливо, – признал Миллер, – но если вы что-нибудь для меня разузнаете, я это оценю.

– Не думаю, что ваше положение позволяет просить об услугах.

– От просьбы вреда не будет.

Угреватый хихикнул и положил руку на плечо Миллера.

– Не приходите сюда больше, детектив, – сказал он, встал и скрылся в толпе.

Миллер хмуро допивал пиво. В голове нарастало неприятное ощущение, что он сделал ложный шаг. Он был уверен, что АВП укрепляет свои позиции на Церере, выжимая все, что можно, из гибели ледового транспорта, из страха и ненависти астеров к внутренним планетам. Но где тут связь с отцом Джули Мао и его подозрительно своевременной обеспокоенностью? И прежде всего с исчезновением известного набора подозреваемых со станции Церера? Думать об этом было все равно что смотреть нефокусированное видео. Возникало ощущение, что почти ухватил суть, только чуть-чуть недотянул.

– Слишком много точек, – вслух сказал он. – Не хватает линий.

– Простите? – переспросил бармен.

– Ничего. – Миллер толкнул через стойку полупустую бутылку. – Спасибо.

Вернувшись в свою нору, он включил музыку. Лирические песенки, так любимые Кандес, когда они были молоды и, если не полны надежд, то, по крайней мере, более жизнерадостны в своем фатализме. Он приглушил свет, подумав, что если сумеет расслабиться, то на несколько минут избавится от гнетущего чувства, будто упущена важнейшая подробность, и недостающий кусок сам собой встанет на место.

Он ожидал, что в памяти возникнет Кандес, вздыхая и недовольно поглядывая на него, как бывало в жизни. Но вместо нее обнаружил Джули Мао. В пьяном полусне она привиделась ему сидящей за столом Хэвлока. Возраст ее оказался другой, она выглядела моложе, чем должна быть сейчас. Он увидел ровесницу улыбчивой девчонки со снимка. Выигравшей гонку на «Бритве». Ему чудилось: он задает ей вопросы, и ответы звучат как откровения. Все обретает смысл. Становятся понятны не только перемены в «Золотой Ветви», но и перевод Хэвлока, погибший ледовоз, вся жизнь и работа Миллера. Ему снилась смеющаяся Джули Мао, и проснулся он поздно, с головной болью.

Хэвлок уже сидел за столом. Его широкое круглое лицо землянина казалось странно чужим, но Миллер слишком устал, чтобы отмахнуться от этого ощущения.

– Погано выглядишь, – сказал Хэвлок. – Трудная ночь?

– Просто старость и дешевое пиво, – отшутился Миллер.

Кто-то из отдела по борьбе с проституцией сердито орал, что досье опять заперли, компьютерщики испуганными тараканами шныряли по станции. Хэвлок склонился ближе. Он не улыбался.

– Серьезно, Миллер, – заговорил он, – мы все еще напарники и... как перед богом, ты, может быть, единственный мой друг на этом булыжнике. Ты можешь мне доверять. Если хочешь что-то сказать, я готов слушать.

– Здорово, – сказал Миллер, – только я не пойму, о чем ты говоришь. Ночью намучился.

– Не с АВП?

– Конечно с АВП. Раскрути за хвост дохлую кошку, зацепишь трех членов АВП, даже на нашей станции. Это ни о чем не говорит.

Хэвлок откинулся назад, плотно сжатые губы побелели. Миллер сделал вопросительный жест, и землянин кивнул на табло. В верхней строке списка значилось свежее убийство. В три часа ночи, пока Миллер вел беседу во сне, кто-то вломился в нору Матео Джадда и всадил полную обойму баллистического геля ему в левый глаз.

– Ну, – сказал Миллер, – похоже, я промахнулся.

– В чем? – спросил Хэвлок.

– Парни из АВП не подменяют уголовников, – объяснил Миллер. – Они подменяют копов.

Глава 11

Холден

«Доннаджер» был уродлив. Холдену приходилось видеть снимки и видео старых океанских судов Земли: в них даже в век стали оставалось нечто прекрасное. Длинные, стройные, они, казалось, летят по ветру, рвутся с поводка, как живые. В «Доннаджере» ничего этого не было. Как все дальние космические суда, его выстроили по проекту «офисной башни»: каждая палуба – один этаж здания, вдоль оси – трапы или лифты. Гравитацию заменяло постоянное ускорение.

Однако «Доннаджер» и внешне походил на офисное здание, лежащее на боку. Квадратный, угловатый, с раскиданными в кажущемся беспорядке шишками надстроек. Почти полкилометра в длину – как раз со стотридцатизэтажный небоскреб. По словам Алекса, он без груза весил двести пятьдесят тысяч тонн, а выглядел еще тяжелее. Холден не в первый раз задумался о том, что эстетические представления человека формировались во времена, когда стройные предметы рассекали воздух. «Доннаджеру» никогда не придется рассекать ничего гуще межзвездного газа, а значит, изгибы и острый нос – только напрасная трата места. В результате получилось уродство.

При всем при том он внушал страх. Холден, сидя рядом с Алексом, наблюдал из рубки «Рыцаря», как тяжеловесный боевой корабль выходил на параллельный курс, надвигался на челнок и наконец как бы завис над ними. Открылся причальный отсек, обозначив в черном плоском брюхе тускло светящийся красным квадрат. «Рыцарь» назойливо гудел зуммером, сообщая, что в его корпус уткнулись прицельные лазеры. Холден поискал взглядом наведенные на него оборонительные орудия, но ничего не увидел.

Когда Алекс подал голос, Холден подскочил.

– Роджер, «Доннаджер», – сказал пилот. – Наводку принял. Заглушаю двигатель.

Исчезли остатки тяготения. Оба корабля продолжали перемещаться в пространстве со скоростью сотни километров в минуту, но, идя наравне, казались неподвижными.

– Получил разрешение на швартовку, кэп. Заходим?

– Теперь уже поздно пускаться наутек, мистер Камал, – отозвался Холден. Ему представилось, как Алекс допускает ошибку, в которой «Доннаджер» мог бы усмотреть угрозу, и орудия точечной обороны всаживают в них сотни тысяч стальных блоков в тефлоновой оболочке.

– Не торопись, Алекс, – сказал он.

– Говорят, такой может убить планету, – заговорила по рации Наоми. Она осталась в рубке связи на нижней палубе.

– С орбиты всякий может убить планету, – возразил Холден. – Даже бомбы не особо необходимы. А эта штуковина над нами могла бы убить... черт, да что угодно.

Легкое покачивание показало им, что включились маневровые двигатели. Холден знал, что в док их заводит Алекс, но не мог избавиться от ощущения, будто «Доннаджер» заглатывает челнок.

Швартовка заняла почти час. Когда «Рыцарь» оказался в доке, тяжелая лапа манипулятора сграбастала его и опустила на свободный участок палубы. Зажимы вцепились в корпус, обшивка отозвалась стальным лязгом, напомнившим Холдену лязг магнитного замка на камере гауптвахты.

Марсиане провели выходную трубу вдоль стены дока и подали ее к шлюзу «Рыцаря». Холден собрал своих у внутренней переборки.

– Никаких пистолетов, ножей, ничего похожего на оружие, – предупредил он. – Они, наверно, не станут возражать против ручных терминалов, но на всякий случай отключите их. Если попросят, отдавайте без разговоров. Возможно, от послушания зависит наша жизнь.

– Ага, – вставил Амос. – Сволочи убили Макдауэлла, а мы должны хорошо себя вести...

Алекс хотел ответить, но Холден опередил его.

– Алекс, ты двадцатку налетал с ФМРК. Что еще нам надо учесть?

– То, что ты сказал, босс. «Да, сэр», «нет, сэр» и приказы исполнять мигом. С рядовыми контрактниками все в порядке, но из офицеров чувство юмора выжигают при подготовке.

Холден оглядел свою крошечную команду. Он надеялся, что не погубил всех, притащив сюда. Запустил открытие люка, и они

проплыли в невесомости по короткой трубе. Добравшись до люка в конце ее – плоского серого композита безупречной чистоты, – все толкнулись к полу. Магнитные подошвы притянули их к палубе. Шлюз пошипел на них несколько секунд, прежде чем открыться в более просторное помещение, где стояла дюжина флотских. Холден узнал капитана Терезу Яо. Присутствовали еще несколько человек в офицерской форме – из ее штаба. Один в обмундировании контрактника с трудом скрывал нетерпение, а шестеро десантников в тяжелой боевой броне были при винтовках. Стволы целили в прибывших, и Холден поднял руки.

– Мы безоружны, – улыбнулся он, стараясь выглядеть безобидным.

Стволы не шевельнулись, но капитан Яо шагнула вперед.

– Добро пожаловать на «Доннаджер», – сказала она. – Старшина, проверьте их.

Контрактник подошел к ним и быстро, профессионально охлопал сверху донизу. Показал одному из десантников большой палец. Винтовки опустились, и Холден подавил вздох облегчения.

– Что дальше, капитан? – спросил он самым небрежным тоном.

Яо несколько секунд критически рассматривала его, прежде чем ответить. Волосы у нее были туго стянуты на затылке, редкие седые пряди рисовали в них прямые линии. Вблизи он рассмотрел чуть одрябшие от возраста щеки и морщинки в уголках глаз. Ее неподвижное лицо изображало то же сдержанное высокомерие, что у всех знакомых ему капитанов флота. Холден задумался, каким она видит его, и подавил искушение пригладить жирные волосы.

– Старшина Гундерсон отведет вас в вашу каюту и поможет устроиться, – ответила она. – Скоро кто-нибудь придет вас опросить.

Старшина Гундерсон уже вышел вперед, когда Яо неожиданно жестко добавила:

– Мистер Холден, если вам что-то известно о преследующих вас шести кораблях, скажите сразу. Час назад мы дали им два часа, чтобы сменить курс. Пока они не повиновались. Еще через час я отдам приказ на торпедную атаку. Если это ваши друзья, вы можете избавить их от серьезных неприятностей.

Холден выразительно покачал головой.

– Я знаю только, что они появились со стороны Пояса, когда вы вышли нам навстречу, капитан, – сказал он. – С нами они не говорили. Мы можем только догадываться, что это граждане Пояса, желающие понаблюдать за происходящим.

Яо кивнула. Если мысль о свидетелях и смутила ее, она не выказала смущения.

– Отведите их вниз, старшина, – велела она, отворачиваясь.

Старшина Гундерсон тихо свистнул и указал на одну из двух дверей. Команда Холдена двинулась следом за ним, десантники держались позади. Когда они шли через «Доннаджер», Холдену впервые в жизни представилась возможность вблизи рассмотреть устройство большого корабля марсиан. На Флоте ООН он не служил на крейсерах и только трижды за семь лет бывал на них, всегда в доках, когда приглашали на вечеринки. Каждый дюйм «Доннаджера» на самую малость превосходил суда, которые ему доводилось посещать. «Марс в самом деле строит их лучше нас».

– Черт, старпом, они и впрямь отдраили эту дерьмовину до скрипа, – сказал ему в спину Амос.

– В долгом рейсе большей части команды нечего делать, Амос, – ответил ему Алекс. – А когда тебе нечего делать, ты драишь медяшку.

– Вот потому-то я работаю на баржах, – усмехнулся механик. – Драить палубу либо пить да трахаться – я знаю, что мне больше по душе.

Они двигались по переплетению коридоров, когда корабль слабо задрожал и постепенно возникла сила тяжести. Началось ускорение. Холден пяткой нажал кнопку на боковине ботинка, отключая магнитные подошвы.

Им почти никто не встретился, а те немногие, кого они видели, куда-то спешили и больше молчали, едва достаивая их взглядом. Приближение шести кораблей вынуждало всех оставаться на постах. Капитан Яо говорила о пуске торпед через час без малейшей угрозы в голосе. Она просто констатировала факт. Но для большинства молодых матросов предстояло, вероятно, первое в жизни боевое столкновение – если до него дойдет. Холден в это не верил.

Он задумался, как понимать тот факт, что Яо готова была подбить горстку кораблей астеров просто потому, что те шли тихо и приближались. Вероятно, она без колебаний убила бы и водовоз вроде «Кента», если бы сочла это нужным.

Гундерсон остановил их перед дверью с надписью: «OQ117», вставил в замок карточку и жестом пригласил их внутрь.

– Лучше, чем я ожидал, – не без уважения протянул Шед.

Каюта по корабельным меркам могла считаться просторной. В ней имелось шесть коек-амортизаторов и маленький столик с четырьмя стульями на магнитных ножках. За открытой дверью в переборке виднелось небольшое отделение с туалетом и раковиной. Гундерсон и лейтенант десантников прошли за командой в каюту.

– Пока размещайтесь здесь, – сказал старшина. – На стене панель связи. Лейтенант Келли оставит за дверью двоих людей. Позвоните им, и они пошлют за тем, что вам требуется.

– Как насчет пожевать? – спросил Амос.

– Тоже пришем. Оставайтесь здесь, пока вас не вызовут, – ответил Гундерсон. – Лейтенант Келли, хотите что-нибудь добавить, сэр?

Десантник оглядел их с головы до пят.

– Люди остаются у каюты, чтобы защищать вас, но они не станут церемониться, если вы нарушите порядок, – сказал он. – Слышите хорошо?

– Громко и четко, лейтенант, – кивнул Холден. – Не волнуйтесь. Таких спокойных гостей, как мы, у вас еще не бывало.

Кажется, лейтенант кивнул ему с искренней благодарностью. Он держался как профессионал, исполняющий неприятную работу. Холден ему сочувствовал. Кроме того, он знал достаточно десантников, чтобы помнить, какими неприятными они могут стать, если дойдет до стычки.

Гундерсон спросил:

– Вы не проводите на обратном пути мистера Холдена, лейти?¹ Я бы хотел помочь им устроиться здесь.

Келли кивнул и взял Холдена за локоть.

– Пойдемте со мной, сэр.

– Куда?

– Лейтенант Лопес хотел видеть вас немедленно после стыковки. Я отведу вас к нему.

Шед нервно переводил взгляд с десантника на Холдена и обратно. Наоми кивнула. «Мы еще увидимся», – сказал себе Холден. И даже почти поверил себе.

Келли быстро вел Холдена по кораблю. Винтовку он уже не держал на изготовку, а повесил на плечо. То ли решил, что Холден не доставит беспокойства, то ли рассчитал, что в случае чего легко с ним справится.

– Могу я спросить, кто такой лейтенант Лопес?

– Человек, который хотел вас видеть, – отрезал Келли.

Он остановился у серой двери без надписей, коротко постучал и провел Холдена в маленькое помещение со столом и двумя уютными на вид стульями. Темноволосый мужчина настраивал рекордер. Он неопределенно махнул рукой в сторону стула. Холден сел. Стул оказался еще неудобнее, чем выглядел.

– Можете идти, мистер Келли, – сказал человек, звавшийся, как полагал Холден, Лопесом. Келли вышел и закрыл за собой дверь.

¹ Сокращение от «лейтенант».

Закончив, Лопес сел за стол напротив Холдена и протянул ему руку. Холден ее пожал.

– Я – лейтенант Лопес. Возможно, Келли уже назвал меня. Я из разведки флота, чего он почти наверняка не сказал. Работа у меня не секретная, но железноголовых учат держать язык за зубами.

Лопес полез в карман, вытащил маленький пакетик белых таблеток и забросил одну в рот. Холдену не предложил. Пока он рассасывал таблетку, зрачки его сжимались в булавочные головки. Наркотик, помогающий сосредоточиться. Во время допроса он будет замечать каждое движение мускулов на лице Холдена. Такому трудно солгать.

– Первый лейтенант Джеймс Р. Холден из Монтаны, – начал Лопес. Это не было вопросом.

– Да, сэр, – на всякий случай подтвердил Холден.

– Семь лет на Флоте Объединенных Наций, последнее назначение – на истребитель «Занг Фей».

– Это я.

– В вашем досье указано, что вы уволены за нападение на старшего по званию, – продолжал Лопес. – Это обычный штамп, Холден. Вы действительно ударили старшего?

– Нет. Я промахнулся. Сломал руку о переборку.

– Как это случилось?

– Он оказался проворнее, чем я ожидал, – объяснил Холден.

– Почему вы пытались?

– Вымещал на нем отвращение к себе. Если от удара пострадал тот, кому следовало, то по чистой случайности, – сказал Холден.

– Кажется, вы с тех пор много думали об этом. – Булавочные зрачки Лопеса не отрывались от лица Холдена. – Терапия?

– На «Кентербери» хватало времени на размышления, – ответил Холден.

Лопес пропустил мимо ушей очевидный намек и спросил:

– К чему же привели вас размышления?

– Коалиция уже сотню лет наступает этим людям на горло. Мне не хотелось быть сапогом.

– Значит, вы сочувствуете АВП? – совершенно бесстрастно поинтересовался Лопес.

– Нет, я не перешел на другую сторону. Я вышел из игры. Я не отказывался от гражданства. Мне нравится Монтана. Я попал сюда, потому что люблю летать, а нанять меня могли разве что на жаркое астерское корыто вроде «Кентербери».

Лопес впервые улыбнулся.

– Вы исключительно честный человек, мистер Холден.

– Да.

– Почему вы заявили, что ваш корабль уничтожен военным судном Марса?

– Я этого не говорил. Я все объяснил в передаче. Такой технологией располагают только флоты внутренних планет, и я нашел в устройстве, заманившем нас, марсианскую деталь.

– Мы должны будем ее увидеть.

– Охотно покажу.

– Судя по вашему досье, вы были единственным ребенком семейной общины. – Лопес словно и не прерывал беседы о прошлом Холдена.

– Да, пять отцов, три матери.

– Столько родителей на одного-единственного ребенка? – заметил Лопес, неторопливо разворачивая новую облатку. На Марсе хватало места для традиционных семей.

– Налоговая льгота для восьми взрослых с одним ребенком позволила им купить двадцать два акра сельскохозяйственных угодий. На земле тридцать миллиардов человек. Двадцать два акра – это национальный парк, – сказал Холден. – Кроме того, закон позволяет комбинировать ДНК. Они не просто так назывались родителями.

– Как они решали, кто вас выносит?

– У матери Элизы были самые широкие бедра.

Лопес забросил в рот новую облатку и несколько минут по-сасывал ее. Прежде чем он снова заговорил, палуба вздрогнула. Видеорекордер у его локтя задребезжал.

– Торпедная атака? – спросил Холден. – Значит, корабли астероидов так и не свернули?

– Есть предположения на этот счет, мистер Холден?

– Просто отмечаю, что вы весьма охотно стреляете по астероидным кораблям.

– Вашими стараниями мы попали в такое положение, что не можем проявить слабость. После ваших обвинений слишком многие изменили мнение о нас к худшему.

Холден пожал плечами. Если собеседник искал на его лице признаки вины или раскаяния, ему не повезло. Корабли с Пояса знали, на что идут. Но не свернули. И все же что-то его беспокоило.

– Может, они и ненавидят вас до последней косточки, – заговорил Холден, – но не так легко найти достаточно самоубийц на шесть команд. Может быть, они рассчитывают увернуться от торпед.

Лопес не шевелился, его тело застыло, впитывая наркотик.

– Мы... – начал он, но тут взвыл сигнал общей тревоги. В тесной металлической клетушке он оглушал.

– Чтоб мне сдохнуть, они что, отстреливаются? – поразился Холден.

Лопес встряхнулся, словно очнувшись от дремоты. Встал и нажал кнопку связи у двери. Через пару секунд вошел десантник.

– Отведите мистера Холдена в его каюту, – приказал Лопес и быстрым шагом покинул помещение.

Десантник стволом винтовки ткнул в сторону двери. Лицо его сурово застыло.

«Все игра да шуточки, пока кто-то не выстрелит в ответ», – подумал Холден.

Наоми похлопала по койке рядом с собой и с улыбкой спросила:

– Ну что, загоняли щепки под ногти?

– Нет, и вообще он удивительно человечен для типа из флотской разведки, – ответил Холден. – Конечно, он еще только брал разгон. Вы, ребята, что-нибудь слышали о тех кораблях?

– Ничего, – ответил Алекс, – но, судя по тревоге, они вдруг решили отнестись к ним серьезно.

– Это безумие, – тихо заговорил Шед, – носиться по космосу в этих металлических пузырях и еще стараться проткнуть друг в друге дырку. Вы видели, что делает с человеком длительная декомпрессия и переохлаждение? Все капилляры в глазах и коже лопаются. Повреждение ткани легких может вызвать тяжелую пневмонию, после которой остаются шрамы эмфиземы. Я к тому, что это не просто смерть.

– Ну, док, развеселил, спасибо, – буркнул Амос.

Корабль внезапно задрожал в прерывистом сверхзвуковом ритме. Алекс круглыми глазами уставился на Холдена.

– Это открываются порты оборонительных орудий. Значит, идут торпеды, – сказал он. – Нам лучше покрепче пристегнуться, детки. Вот-вот начнутся крутые маневры.

Все, кроме Холдена, уже пристегнулись к койкам. Он тоже закрепил ремни.

– Паршиво. Все действие разворачивается в тысячах кмэ отсюда, а у нас даже оптики нет, – сказал Алекс. – Мы не узнаем, что там светится на экране, пока оно не вскрыет корпус.

– Ну, ребята, начинается настоящее веселье, – громко проговорил Амос.

Шед смотрел на них, широко раскрыв глаза, он сильно побледнел. Холден покачал головой.

– Ничего не случится, – сказал он. – Эта штуковина неуязвима. Чьи бы там корабли ни были, они могут устроить хорошее шоу, но не больше того.

– При всем уважении, капитан, – возразила Наоми, – чьи бы там корабли ни были, они должны бы уже погибнуть, а пока живехоньки.

Они слышали шум битвы на расстоянии. Рокотала выходящая торпеда, продолжали вибрировать высокоскоростные оборонительные орудия. Холден не заметил, как задремал, но очнуться его заставил оглушительный рев. Амос с Алексом что-то орал, Шед бессмысленно вопил.

– Что там? – Голос Холдена перекрыл шум.

– Нас подбили, кэп, – отозвался Алекс. – Торпедный удар!

Гравитация внезапно исчезла. «Доннаджер» остановил двигатели. Или они были уничтожены.

Амос не умолкая орал: «Дерьмо, дерьмо!», но хоть Шед замолк. Он, побелев, таращился со своей койки. Холден отстегнулся и толкнул себя к панели связи.

– Джим – окликнула его Наоми, – ты что делаешь?

– Надо узнать, что происходит, – ответил через плечо Холден.

Дотянувшись до переборки у люка, он нажал кнопку связи. Ответа не было. Он нажал еще раз, потом принялся колотить в люк. Никто не пришел.

– Где наши чертовы десантники? – процедил он.

Свет померк, включился снова. И снова, и снова, в медленном плавном ритме.

– Палят гауссовы башни. Дерьмо, это ББ, – с дрожью в голосе сказал Алекс.

За всю историю Коалиции ни один крупный корабль не вступал в ближний бой. Но вот «Доннаджер» стрелял из больших корабельных орудий, а это означало, что цель достаточно близка для неуправляемых снарядов. Сотни, а то и десятки километров, а не тысячи. Корабли астеров каким-то чудом пережили торпедную атаку.

– Я хренею, а вы? – В голосе Амоса прорезалась паника.

«Доннаджер» зазвенел, словно гонг, в который раз за разом били большим молотом. Ответный огонь.

Снаряд Гаусса, убивший Шеда, явился беззвучно. Словно по волшебству, на двух противоположных стенах комнаты возникли дыры. Линия между ними пересекала койку Шеда. Только что медик был здесь, а через миг его голова до самого адамова яблока исчезла. Артериальная кровь хлынула наружу красным облаком, вытянулась в две тонкие линии и устремилась к отверстиям, в которые уходил воздух.